

В ТЕНИ ЭМИРА

— ШРАМЫ НА ПЕСКЕ 2 —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ИРЭН БЛАВАТСКАЯ

В тени эмира

Ирэн Блаватская

В тени эмира. Шрамы на песке 2

«Автор»

2026

Блаватская И.

В тени эмира. Шрамы на песке 2 / И. Блаватская — «Автор», 2026 — (В тени эмира)

Она стала его слабостью. Он — её самым опасным проклятием. Одна случайная встреча навсегда изменит её судьбу. Чужая страна. Жестокий Восток. Мир, где любовь принадлежит сильным, а женщины становятся разменной монетой в играх власти. Где страсть способна уничтожить, а за любовь платят кровью. Фалах — эмир Хафрака. Мужчина, которого боятся враги и боготворят женщины. Холодный. Властный. Опасный. Но однажды в его жизни появляется она — светловолосая чужестранка с глазами, в которых слишком много боли и слишком много огня. Но дворец эмира хранит слишком много тайн. Зависть гарема, дворцовые интриги, заговоры, покушения, ложь и предательство превращают её жизнь в смертельно опасную игру. Здесь нельзя доверять никому. Даже мужчине, которого любишь больше собственной жизни. Но сможет ли любовь выжить там, где каждое чувство оставляет шрамы? «Шрамы на песке» — роскошная восточная сага о любви, одержимости, боли и страсти, которая сильнее смерти. В серии 2 книги.

© Блаватская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

В тени эмира. Шрамы на песке 2

Глава 1

Вечером, когда Фалах вошел к Эми, то вначале даже растерялся: комната казалась совершенно безжизненной и пустой. Сделав несколько шагов вглубь, внимательно осмотрелся. Девушка сидела на полу в дальнем углу, между кроватью и стеной, крепко прижимая к себе диванную подушку и как будто прикрываясь ею... На ее бледном лице застыло выражение отрешенности, а в глазах, устремленных в пустоту, отражались отчаяние и боль...

Сердце мужчины дрогнуло: Эми была похожа на лань, загнанную в западню, уже отчаявшуюся выбраться на свободу, но не смирившуюся со своей участью добычи для хищника... Он никогда не видел ее такой — пугающей, отстраненной, далекой и одновременно притягательной и желанной. Она пробуждала в нем старые как мир инстинкты мужчины — инстинкты защиты своей женщины от всего мира и заботы о ней...

— Эми... девочка моя... что с тобой? — Быстро подошел к ней, протянул руки, чтобы поднять на ноги, обнять, согреть своим теплом, успокоить, шептать ей нежности, которых, пожалуй, никогда не произносил, потому что, зная ее отношение к себе, не хотел выглядеть в ее глазах наивным идиотом...

— Фалах... Ты? — Только сейчас она заметила его, глаза расширились. Сильнее прижимая подушку к обнаженному телу, подобрала ноги и выбросила руку вперед, останавливая его и, отрицательно качая головой, прошептала: — Нет... Не подходи...

— Что с тобой? Тебе плохо? — Он не мог на это спокойно смотреть и опустился на пол рядом с ней. Случайно коснулся ее коленом; вздрогнув, она сильнее вжалась в угол, стараясь отдалиться от него как можно дальше.

— Пожалуйста... не трогай меня сегодня... — взмолилась едва слышно. — Когда угодно: вчера, завтра, потом, но только не сегодня... Не сейчас... Пожалуйста.

— Эми, ты скажешь наконец, что происходит? — Он взял ее за плечи и внимательно всмотрелся в лицо.

— Фалах... не надо... не сегодня... прошу тебя... — шептали бледные губы. — Я не могу... Я не хочу... Услышь меня... Я не хочу... Я устала...

— Я не трону тебя... Только скажи, что с тобой?

— Какая разница? Мы ведь оба знаем, зачем ты пришел... Тебе же нужен только секс! — нервно выпалила и, горько усмехнувшись, добавила: — Не разочаровывай меня еще больше, хотя куда еще... не заставляй думать, что ты бездушное животное, для которого нет ничего святого, кроме как подмять под себя очередную самку... Уйди... прошу тебя...

Девушка была в том неутешительном состоянии, когда любое неосторожное слово, движение, взгляд могли оказаться фатальными для ее расшатанной психики... Она казалась совсем невменяемой, чем напугала его...

— Хорошо, я уйду, если ты этого хочешь...

— Хочу! — выпалила сразу, не дав ему договорить.

— Эми...

— Не надо, пожалуйста.

— Мы никогда не говорили с тобой... Как-то не довелось, не получилось у нас... Думаю, давно пришло время откровенно поговорить.

— Зачем? Тебе уже мало моего гребаного тела? Решил еще и душу распотрошить?

— Затем, что мы с тобой взрослые адекватные люди... Нам есть что обсудить.

— Именно поэтому нам обоим ясно, что диалога не получится: между нами пропасть, мы на разных полюсах, преследуем разные интересы... Ты хочешь красиво жить, а я всего

лишь выжить. Ты свободен, а я в клетке. Ты хозяин, а я рабыня. Ты всемогущ, а я ничто... как грязь под ногтями... — Она взглянула на него долгим, пронизывающим взглядом. — Мне продолжить или этого достаточно?

— Ты же неглупая девочка... Эми... Ты ведь понимаешь, что одно твое слово — и все изменится... все в твоих руках... Ты же мучаешь и себя, и меня. — Он протянул к ней руки; взвизгнув, она их отбросила.

— Не трогай меня... Ты обещал уйти... — задрожал ее голос. — Уходи... прошу тебя, уходи...

— Поговори со мной... Тебе станет легче, уверяю тебя...

— Легче? Хмм... Боюсь, что пока ты рядом, легче мне не станет... О чем бы мы ни говорили, но неравенство между нами будет проявляться во всем. Что же ты молчал тогда, когда я, как слепой котенок, блуждала в темноте среди чужих людей, лишившись памяти, не помня даже собственного имени... А ты все знал, и не просто молчал — ты жестоко пользовался этой ситуацией... видел, как я мучилась, и издевался надо мной... Фалах, ответь мне... Почему? Почему ты делал это? Почему ТОГДА ты не захотел поговорить со мной? Почему не протянул руку помощи, не вытянул меня из этой темноты? Что ты молчишь?

— Поверь мне, я не собирался обманывать тебя... и использовать вслепую тоже не собирался, но ты не дала мне ни единого шанса разрешить эту ситуацию мирным путем... Это долгий разговор, но в любое время, когда ты будешь готова меня выслушать, я все тебе объясню, честно и откровенно... Я знаю, ты меня поймешь.

— Ты мне все еще не объяснил, почему вернул меня назад в Хафрак? Гордый эмир не посчитал нужным опуститься до объяснений... — Она грустно усмехнулась. — Так все-таки почему? Будешь опять нести чушь про мое тело? Избавь меня от этого... у тебя таких тел — целый гарем... Можешь не опускаться... несложно догадаться почему... Чтобы устроить мне публичную порку и еще больше унижить за то, что посмела перед всем миром поставить под сомнение твой авторитет... и чтобы доказать всем, что твоя власть безгранична, от нее не скрыться, и так будет с каждым, кто посмеет ослушаться тебя... Ну? Угадала?

— Чувствую, что это не все, что ты хочешь мне сказать, — спокойно произнес он. — Говори, не сдерживайся... Как я уже сказал, мы все с тобой обсудим, но только тогда, когда ты будешь готова к этому...

— А почему оставил меня голышом, ты тоже мне объяснишь?

— Это было твоим желанием, хабибти... Я всего лишь пошел у тебя на поводу... Надеюсь, это послужит тебе уроком на будущее...

— А хочешь, я тебе объясню? Потому что дрессировал меня как зверушку. Но поверь, это все мелочи, и мне глубоко на это наплевать... Проблема в другом. Все дело в том, что ты можешь себе это позволить. Потому что я всецело в твоих руках, и каждый раз, стоит мне взбрыкнуть или ослушаться, ты будешь демонстрировать мне свою власть и тыкать мордой в мое бесправие... чтобы знала свое место и молчала... Может, я ошибаюсь? Так исправь меня...

— Девочка моя, пока ты не поймешь, куда ты попала, тебе будет сложно жить... Это Восток, хабибти. О каком равенстве ты говоришь? Не важно, кто я — эмир или конюх, в первую очередь я мужчина, а ты моя женщина, и этим все сказано. Между нами не может быть никакого равенства и никогда не будет... Ты должна это осознать, смириться с этим, впитать в свою кровь и впустить в сердце... По традициям нашего мира женщина должна быть смиренной, терпеливой и покорной своему мужчине и принять его как своего господина. Ты тоже должна следовать этому правилу, или проблемы неравенства вечно будут для тебя как нож в горле и, в конце концов, сыграют с тобой злую шутку...

— А если я не хочу... Не хочу жить в этом вашем гребаном мире по вашим правилам, чтить ваши дикие традиции... А если мне претит быть смиренной и покорной? Я не восточная

женщина, это все не моё... Ты слышишь меня? Не моё и никогда не станет моим! — Ком в горле душил, мешал говорить, но нет, он не увидит ее слез, ее слабости... ни за что...

— Тебе нужно успокоиться, обдумать то, что я сказал, и принять это к сведению. Ты здесь, рядом со мной, и я не собираюсь отказываться от тебя и отпускать, и потому, хочешь ты этого или нет, но отныне это и твой мир тоже...

— Не надо все списывать на Восток, он здесь ни при чем, Фалах... Это твой личный мир... мир, в котором всё подчиняется твоим собственным правилам, твоим интересам, твоим прихотям и капризам... и тебе плевать, что при этом чувствую я...

— Хабибти... научись контролировать свои эмоции и вести себя достойно, как подобает женщине эмира. Все, что ты говоришь, говоришь под влиянием эмоций, и, можешь мне поверить, это не соответствует действительности... это глупости, потом ты все поймешь сама...

— Значит, вот каков мой статус — женщина эмира Хафрака... Но это опять твое решение, Фалах, меня об этом никто не спрашивал, и я своего согласия не давала...

— Я понимаю, ты злишься на меня, но поверь мне, Хафрак станет для тебя родным домом, здесь ты обретешь свое счастье и найдешь себя. — Мягко положил ей руку на затылок и, повернув лицом к себе, заглянул в глаза. — Я сделаю все для этого.

— Ты уже сделал все, что мог... Что еще тебе нужно от меня? — почти выкрикнула девушка, отталкивая его руки. Плечи затряслись, она с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться.

Она отчаянно нуждалась в тепле, в заботе, в простом человеческом участии — и сама же отталкивала все, что он пытался ей дать. Будто любое проявление нежности было опасно. Будто принять его поддержку означало признать собственную слабость. Поэтому между ними день за днем продолжалось это мучительное, выматывающее противостояние, в котором оба медленно сгорали изнутри.

Фалах слишком хорошо видел правду, которую Эми пыталась скрыть даже от самой себя. Ее силы были на исходе. Нервы натянуты до предела. Она вздрагивала от каждого резкого звука, все чаще замыкалась в себе, а в глазах поселилась та страшная пустота, которая появляется у человека, уставшего бороться.

И впервые за долгое время Фалах по-настоящему испугался. Не за отношения. Не за собственные чувства. За нее. Потому что отчетливо понял: еще немного, и Эми просто сломается. Окончательно. Безвозвратно. А значит, он больше не имел права бездействовать. Нужно было срочно что-то менять. Пока не стало слишком поздно.

— Иди ко мне, — прошептал едва слышно и протянул к ней руки.

— Не трогай меня, урод... дикарь, зверь... убери свои руки... ненавижу тебя... ненавижу! — кричала, захлебываясь от рыданий... рыдания перешли в истерику...

Мужчина выхватил подушку из ее рук и с силой отшвырнул в сторону. Вжимаясь в стену, она брыкалась, отбивалась от него, хаотично била его по рукам, по груди, по лицу, но, несмотря на все ее усилия, он просунул руку ей под колени, второй рукой обнял за спину и, принимая на себя все ее удары, крепко удерживая, рывком поднял и посадил к себе на колени.

— Варвар... тиран... ненавижу тебя, сволочь... все зло от тебя... отпусти меня! — Рыдания прерывали слова, она все еще старалась вырваться и ударить его побольней, но шансов не было. Крепко обвив руками, прижал ее лицом к своей груди. — Что тебе нужно от меня? Чего ты хочешь? Оставь меня в покое...

Все, что так долго копилось в душе тяжелым грузом: обиды, неопределенность, бессильный гнев, боль, тоска по прошлому, страх — наслаивалось друг на друга, бурлило и кипело, требуя выхода... Все то, что, не позволяя себе расслабиться, она держала глубоко внутри и лишь изредка выбиралось на свет в виде мелких протестов, возражений и незначительных демаршей... А теперь яростным вулканом вырывалось наружу, сметая все на своем пути, не

сдерживаемое никем и ничем. Очевидно, чаша терпения была заполнена до самых краев, и сил себя сдерживать уже не осталось...

Это ведь был не просто обычный день. Сегодня день ее мамы, любимой мамы, которая была такой молодой, жизнелюбивой, доброй, красивой и так рано ушла... Разве не кощунственно в такой день предаваться блуду и плотским утехам? Не безнравственно думать о сексе вместо того, чтобы думать о ней, вспоминать ее? Ведь они же люди, не звери, но разве этому похотливому дикарю объяснишь это, разве он поймет? Разве его волнует что-то другое, кроме собственных желаний?

Она обвиняла его во всех смертных грехах, тело сотрясалось от рыданий, слезы текли непрерывно, его рубашка была уже влажной от ее слез, а она все рыдала и рыдала... Спустя какое-то время мужчина с облегчением отметил, что она перестала отбиваться и, уже сама обняв его за спину, молча плакала ему в грудь...

На улице уже давно было темно и тихо, вероятно, город уже спал, а они все еще сидели на полу в бледном свете луны, который пробивался в окно сквозь тонкую штору и слегка освещал комнату.

Все еще всхлипывая и обнимая Фалаха за спину, Эми рассказывала ему о том, что сегодня день рождения ее матери, о том, как они всегда праздновали этот день, когда все еще были живы и счастливы... Рассказывала о родителях, о своей жизни до приезда на Восток, о том, как проходило ее детство, а Фалах нежно гладил ее по спине, прижимая к себе, как самую ценную ношу, и молча слушал, давая ей возможность выговориться, не перебивая и не спрашивая ни о чем...

Проснувшись среди ночи и открыв глаза, Эми с удивлением обнаружила, что сидит у Фалаха на коленях, в плотном кольце его рук, укрытая его рубашкой и положив голову ему на грудь, а он все еще сидит на полу, откинувшись спиной к стене, и спит...

Стараясь не делать лишних движений, она подняла глаза и стала разглядывать его. Обычно строгое, даже надменное лицо, способное напугать любого, кто бы ни предстал перед ним, сейчас в расслабленном состоянии выглядело вполне себе человеческим, живым, может быть, даже немного добрым. Странно, она никогда не всматривалась в его ненавистное лицо, даже по ночам спала к нему спиной и никогда не видела его спящим... Ей стало неловко от того, что это из-за нее он сейчас мучается, спит сидя на полу, да еще с нею на коленях...

Прислушавшись к себе и своим ощущениям, девушка поняла, что того ужасного, угнетающего холода, сковавшего ее изнутри, уже не было, как будто в душе развели большой костер и растопили весь лед, покрывавший ее. Вдруг впервые за долгое время ей стало тепло и комфортно, и какое-то незнакомое ранее душевное спокойствие опустилось на нее, как будто укутало в невидимое теплое одеяло и заставило забыть обо всем на свете.

Прошлась глазами по мужчине с голым торсом, его рукам, обвитым вокруг своего тела, по себе, завернутой как в кокон в его рубашку. Ей до чертиков захотелось отодвинуться от него подальше, дистанцироваться, построить стену между... Его было слишком много, он подавлял ее, лишал свободы, даже ментальной, заглушая ее внутреннее «я», душил, не давая вдохнуть полной грудью... И даже за это временное спокойствие, которое так внезапно и так вовремя окутало ее, она тоже должна быть благодарна ему, и это ее тяготило и угнетало...

Ничего своего не осталось, совсем ничего... скоро и ее самой тоже не останется, потому что ему все будет мало, он растворит ее в себе... В голове была полная каша, разгребать которую сейчас не было ни сил, ни желания. И как бы ей ни хотелось отдалиться, но она заставила себя закрыть глаза и попыталась заснуть, потому что любое неосторожное движение могло его разбудить, а ей меньше всего на свете сейчас хотелось говорить с ним...

Проснувшись, как всегда, рано утром, с первыми звуками азана, Фалах осторожно встал с пола с девушкой на руках, чтобы не разбудить ее, аккуратно уложил на кровать и укрыл одеялом. Ночью, когда усталая и опустошенная Эми наконец заснула, он не стал рисковать ее

сном, чтобы уложить в постель, и, стараясь не делать лишних движений, стянул с себя рубашку и укутал ее в нее...

Она была измотана и замучена, но, скользя по ней влюбленными глазами, он невольно улыбнулся... Расслабленное лицо разгладилось, стерев с себя остатки настороженности, с которой она обычно смотрела на него, и казалось еще светлее и нежнее... Мягкие полураскрытые губы упирались ему в грудь, а горячее дыхание скорее согревало ему душу, чем кожу на груди. Руки, обнимавшие его торс, к его сожалению, уже опустились вниз, разорвав кольцо... Тонкая, хрупкая, она казалась почти прозрачной и напоминала фарфоровую статуэтку, готовую разбиться на миллионы мелких осколков от любого неосторожного прикосновения. И теперь ее целостность напрямую зависела от него, его умелого обращения с ней, его отношения к ней — и не только целостность тела, но и души, и сердца...

Эми проснулась от того, что солнечный лучик, пробившись сквозь окно, светил в лицо, ласково согревая кожу. Улыбнувшись нежным прикосновениям, девушка открыла глаза, и вдруг ее взгляд встретился с внимательным взглядом черных глаз, устремленным на нее. Вздвогнув, моргнула, но видение не исчезло. Она лежала на кровати, Фалах полулежал на подушках рядом и смотрел на нее. Странно, она никогда не видела его по утрам: к ее великой радости, он исчезал из ее комнаты, пока она еще спала. Что остановило его сегодня? Почему он здесь? Потому что вчера не получил свою порцию секса? А вдруг... Нервно опустила глаза, разглядывая себя. Верить в его бескорыстность или великодушие не было ни единой причины, но обнаружив, что все еще укутана в его рубашку и накрыта сверху одеялом, немного успокоилась... Но не будучи наивной дурочкой, понимала, что он не просто так остался здесь. Бессердечный дикарь, несложно догадаться почему — значит, будет сейчас домогаться ее... В памяти возникли картины вчерашнего вечера, стало нестерпимо стыдно за свою несдержанность, за проявление слабости, за ужасную истерику, за то, что вынудила его пожалеть себя... если ему вообще знакомо это чувство...

— Аюни... Ты уже проснулась? — Голос был теплым, без иронии и стали. Рука потянулась к голове, стала мягко ласкать волосы, наматывая прядь на палец.

— Сабах аль хайри (араб. «доброе утро»), — произнесла неуверенно, не сводя с него напряженного взгляда.

— Как ты? Тебе уже лучше?

— Да.

— Ну вот и хорошо, — кивнул, указав глазами на чашку на прикроватном столике. — Выпей, и тебе станет еще лучше. Ты знаешь этот напиток.

Она не стала спорить, этот целебный напиток и правда был чудодейственным. Приподнявшись, уселась на кровати, запахнула плотнее рубашку на груди, чтобы не провоцировать мужчину рядом, и стала медленно, по глоточку, наслаждаться живительной влагой, довольно приятной на вкус.

— Ты когда-то говорила, что любишь прогулки верхом, — обратился к ней, загадочно улыбаясь. — После многодневных скачек до Эр-Рияда и обратно все еще любишь верховую езду? — Он намекал на ее побег из Хафрака и возвращение назад.

— Люблю. — Допив напиток и поставив чашку на стол, заинтересованно повернулась к нему.

— В таком случае с сегодняшнего дня можешь отправляться на конные прогулки.

— Это как? — не поняла она.

— Тебя будет сопровождать группа всадников для твоей же безопасности, и

можешь смело осваивать территорию за городскими стенами, тебя никто не остановит. — Замерев, она уставилась на него, как будто боялась, что он может передумать. — В любое время, когда захочешь и сколько захочешь... — И, подумав, добавил, улыбнувшись: — Естественно, в дневное время, а ночевать ты будешь в своей постели, вместе со мной...

— Да? А можно каждый день? — Пропустив мимо ушей его последнюю фразу, она все еще нерешительно смотрела на него.

— Хоть каждый день, — улыбнулся он. — Достаточно сообщить об этом служанке.

— Я так устала сидеть взаперти, такие прогулки были бы глотком свежего воздуха для меня, — произнесла негромко, не сводя с него глаз.

— Тебя больше не будут запирают, ты вольна выходить из своей комнаты. При желании можешь спускаться в парк при гареме, ты там уже бывала... Погода сейчас прекрасная, солнце не печет, можно с удовольствием плескаться в фонтанах...

— Спасибо, — выдавила из себя Эми, хотя ей хотелось громко визжать от радости, но что-то удерживало ее, не давало выражать бурные эмоции, мгновенно зафонтанировавшие в душе. Конечно, она была благодарна Фалаху, радуясь наконец возможности хоть иногда покидать свою золотую клетку, но глубоко в душе надеялась, что делает он это бескорыстно, ради нее самой, чтобы хоть как-то оживить, разнообразить ее серую жизнь. Но умом понимала, что Фалах не восторженный, сентиментальный юноша, а темпераментный молодой мужчина и рассчитывает, что из благодарности она раздвинет ноги перед ним, изображая бурную страсть. И потому, боясь разочароваться, молча опустила глаза.

Фалах и сам был немного обескуражен ее сдержанной реакцией. Он рассчитывал на чувственный поцелуй как минимум, хотя не хотел признаваться в этом даже самому себе, но не отказался бы от страстного феерического секса, о котором болезненно мечтал, но девушка демонстрировала в постели арктический холод и полное равнодушие...

Фалах не обманул ее, это не было шуткой или изощренной местью за ее несговорчивость — все было, как он и сказал. Дверь оказалась незапертой, за ней не стояли стражники, готовые остановить ее, а были именно там, где им и положено быть — при входе в эту часть дворца. Не веря в происходящее, она несколько раз покидала свою комнату и с удовольствием прогуливалась по огромному этажу западного крыла, в котором находились их с эмиром покои. Платяные шкафы со всем ее гардеробом тоже были в ее распоряжении, как будто и не было тех нескольких дней, когда они были запертыми и стояли как бесполезные изваяния, наводящие ужас и тоску.

Утром служанки вместе с завтраком принесли мужскую одежду для нее, удобную для верховой езды и в которой Эми могла наслаждаться прогулками, не привлекая к себе лишнего, ненужного внимания. На радостях девушка тут же вскочила и, сбросив с себя джеллабию, стала быстро примерять одежду. Белая мужская рубаша, свободные штаны с веревкой на поясе, кожаный ремень с креплением на боку для ножен с саблей, мягкие ботинки из овечьей шкуры, куфия на голову и в довершение ко всему — широкий бедуинский плащ... Она была в восторге! Все было слегка великоватым, но удобным и вполне симпатичным, и, стоя перед зеркалом, рассматривая себя, осталась собой довольна. Она была скорее похожа на шуплого подростка, чем на мужчину, но главное — никто не смог бы разглядеть в ней женщину... А часа через два, в сопровождении группы из десяти всадников-воинов, обмотав лицо и голову куфией, сверкая огромными глазами в предвкушении новых, острых, долгожданных ощущений, покидала малый или, как некоторые его называли, задний двор дворца.

Как только вышли за пределы города, группа сразу разделилась и держалась от девушки на почтительном расстоянии: кто-то далеко впереди, а кто-то поодаль сзади, не отвлекая и не

мешая ей, чему она была безмерно рада. Она знала по личному опыту, что никто с ней не будет заговаривать, даже если сама обратится к кому-нибудь из сопровождающих ее мужчин. Только старший из конников показал ей несколько знаков руками, которые девушка сможет использовать, если захочет остановиться, чтобы передохнуть, или замедлиться, спешиться или же вернуться назад во дворец...

Она молча кивала головой, но уже ничего не слышала и не слушала: душа ее порхала далеко за многие сотни верст, да и сама она уже была готова сорваться в любую секунду и умчаться хоть куда, навстречу ветру... Даже на вид покладистая лошадь со спокойным нравом, которую Фалах выбрал специально для нее из-за страха, что Эми может не справиться с управлением и вылететь из седла, чувствовала ее возбуждение: беспокойно раздувала ноздри, била копытом и громко ржала, а спустя мгновения, почувствовав удары пятками по бокам, легко сорвалась с места и понеслась.

Эми слышала приглушенный стук копыт, поднимающий за собой шлейф пыли и песка, ощущала сильное тело животного под собой и с диким восторгом подхлестывала его, заставляя мчаться быстрее и быстрее. Ветер бил в лицо, развеивал плащ, уносил все ненужные глупые мысли прочь, заставляя забыть обо всем на свете. Она не совсем понимала, что происходит с ней, но ей впервые было все равно. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что ничего на свете так не хочет, как бесконечно продолжать эту бешеную скачку и нестись навстречу неизвестности, захлебываясь от пьянящего, обманчивого чувства свободы, которое заполнило ее легкие и одурманил разум.

Не сбавляя темпа, задрав голову вверх и закрыв глаза, она отдавалась во власть захватывающих ощущений, упиваясь каждым глоточком воздуха, проникающего в нее, наслаждаясь чувственными, знойными просторами таинственной, бескрайней пустыни, еще не осознавая, что где-то там, в глубине души, уже полюбила ее и навсегда впустила в себя...

Через день, вернувшись с прогулки, Эми решила спуститься в парк, понежиться в ласковых лучах заходящего солнца и пройтись по ухоженным тенистым аллеям на закате... В памяти сохранились волшебные мгновения, проведенные ею в этом роскошном парке еще в первые дни своего пребывания во дворце, когда даже не догадывалась о том, что она проживает в гареме эмира Хафрака... И наслаждалась тишиной и спокойствием во время утренних прогулок, пользуясь тем, что все подданные еще спят...

Все еще упиваясь своей мнимой свободой, ограниченной слишком узкими рамками, чтобы насладиться ею сполна, Эми была счастлива и искренне рада даже этому неожиданному подарку. Потому что после долгого и мучительного пребывания взаперти знала ему истинную цену... ибо кто не видел тьмы, тот не знает цену света...

Она неторопливо спускалась по ступеням, ведущим в парк, борясь в душе с легким волнением. Неизвестность немного пугала: она не знала никого в гареме, ни одной наложницы. Неизвестно, как они отреагируют на нее: может быть, будут сторониться и с настороженностью присматриваться к ней, а может быть, удастся подружиться с кем-нибудь... Кто знает, какие здесь бытуют нравы... Но если повезет, то ей хотя бы будет с кем пообщаться...

К удивлению Эми, в парке было довольно оживленно. Сделав несколько шагов, она осмотрелась вокруг. Пожалуй, еще никогда в своей жизни не видела вместе так много роскошных, привлекательных женщин... Они были повсюду и чувствовали себя вполне уверенно и комфортно... Вероятно, прогулки на закате при ласковых лучах заходящего солнца были для них обычным времяпрепровождением. Душу ощутило царапнула неприятная мысль: конечно, ведь их никто не запирает, и они предоставлены самим себе. Но она быстро отогнала дурную мысль. Наслаждаясь каждой секундой приятной, освежающей и оживляющей прохлады, она медленно направилась вглубь парка, осторожно присматриваясь к девушкам вокруг.

Кто-то сидел на лавочках по двое и по трое вместе под сенью деревьев, некоторые девушки — небольшими группами, а кто-то парами неспешно прогуливался вдоль ухоженных

чистых аллей. На нее стали обращать внимание: десятки внимательных, любопытных взглядов вонзились в нее и откровенно разглядывали. Но все молчали: никакого движения, ни легкого кивка головой, ни взмаха руки в приветствии, ни попытки заговорить... просто молчаливые лица и чисто женские — все подмечающие, ничего не упускающие, ни одной, даже самой крохотной детали — взгляды насквозь...

Проходя мимо фонтана, у которого сидела группа девушек, Эми повернулась на голос... В центре на бортике сидела красивая, уверенная в себе мулатка лет двадцати в легком белоснежном платье, задрав широкий подол и опустив стройные ноги в воду. Вокруг нее собралась компания человек десять: кто-то полулежал, а кто-то сидел на бортиках фонтана и, внимательно наблюдая за чужачкой, о чем-то негромко переговаривались.

— Наконец-то звезда снизошла до нас, простых смертных, — съязвила мулатка, обращаясь к Эми. — Мы уж заждались. Думали, ты там совсем выросла в его простыни.

Она сидела в какой-то вальяжной, расслабленной позе: ленивые движения рук, ног, медленно плескающихся в сверкающей воде, слегка откинута в сторону голова. Но ее выдавали глаза — острые, хищные, читающие насквозь. Глаза дикого зверя, наметившего жертву и готового к атаке в любую секунду... Ее голос был отлично слышен в мертвецкой тишине, которая тут же воцарилась в парке, нарушаемая только легким журчанием воды в фонтане, пением птиц и приглушенным шелестом листвы деревьев... Всё остальное замерло в предвкушении битвы двух самок-соперниц за лакомое место в постели эмира в роли главной и самой желанной женщины.

— Простите, это вы мне? — Голос Эми прозвучал подчеркнуто ровно, что еще больше взбесило ее.

— А ты видишь здесь еще кого-то, кто не чувствует земли под ногами? — Она резко встала. Её многочисленные золотые браслеты на лодыжках звякнули как кандалы. — Думаешь, если эмир пару раз согрелся об твое тощее тело, то ты поймала удачу за хвост?

В толпе раздались смешки.

— Ты злишься потому, что, несмотря на все свои явные достоинства, тебе это так и не удалось, — отпарировала Эми в таком же тоне.

— Слушай внимательно, — её голос стал ниже, жёстче. — Ты здесь — временная игрушка. Свежая. Удобная. С тобой поиграют... и выбросят.

Она медленно провела пальцем по краю фонтана.

— А такие, как я, остаются. Потому что знают, как удержаться. И не только в постели.

Она смотрела прямо в глаза Эми. Вокруг прыснули. Отрава злорадства потекла по кругу. Одна из них громко выкрикнула:

— У неё даже бедра не знают, как двигаться! Скука в обертке из шелка!

— Посмотри на себя, — мулатка подошла вплотную, обдавая Эми сладким ароматом. — Ты же моль бесцветная. А Эмир — он хищник. Он лев. Просто устал от изысканных блюд и решил пожевать сухую корку. Но не обольщайся. Долгая диета не для него.

Наложницы за спиной мулатки рассмеялись.

— Скорее, он эстет, — отпарировала Эми. — И у него изжога на жирное.

— Для новенькой ты слишком смелая, но запомни: здесь это не самое ценное качество. В отличие от тебя, у меня есть на что посмотреть. — Она медленно сделала несколько шагов в

сторону Эми, демонстративно покачивая пышными бедрами. — А еще... я горячая. Я живая. Я страстная... Одна неделя, и я займу место главной фаворитки. А тебя он вышвырнет как старую затасканную тряпку.

— Ну-ну... Кричишь о своей страсти. Хочешь укротить льва? — Эми усмехнулась. — Но запомни одну простую истину. Львы не спариваются с гиенами. Им не интересны те, кто воет в стае и кусает за пятки.

Эми медленно обвела взглядом круг женщин. Она видела их оскалы, их жажду увидеть её унижение. Это ее только раззадорило. Она не собиралась сдаваться.

— Ты называешь меня «коркой»? Возможно. Но именно этой коркой он утоляет голод, пока ты здесь чахнешь в ожидании. Твой удел — ждать его взгляда годами, а мой — запрещать ему будить меня на рассвете.

Эми сделала шаг вперед, вторгаясь в личное пространство соперницы. Мулатка побавровела, её ноздри затрепетали от ярости.

— Сука... Да я тебя сотру! Всего неделя... и ты забудешь дорогу к покоям Эмира...

— Не советую. Здесь побеждают не те, кто громко кричит, — продолжила она тихо, но каждое слово звучало отчетливо. Взгляд стал холоднее. — И не те, кто заранее делит чужое место. Здесь остаются те, кого не могут заменить.

В толпе стало тихо. Теперь они стояли друг против друга. Мулатка сжала губы.

— Ты слишком много о себе думаешь.

— Нет, — ответила Эми. — Это ты слишком много думаешь обо мне. — И уже собиралась уходить. — И да, — добавила она, — мой тебе совет: оставь уже меня в покое и наконец подумай о себе.

Мулатка замерла. Слова застряли. Эми развернулась и ушла. Спокойно. Ровно. В глубь парка. А у фонтана никто больше не смеялся. Потому что все поняли, что эта белая чужачка вовсе не жертва и в состоянии постоять за себя.

Пользуясь возможностью, Эми каждый день отправлялась на конную прогулку и подолгу наслаждалась такой желанной, но мнимой свободой, впитывая ее в себя большими порциями и постепенно вытесняя из себя печаль, тоску и отчаяние... Через неделю девушку уже было не узнать: это была снова уверенная в себе и умеющая постоять за себя Эми, которая наконец стала улыбаться, как та, из прошлого, которую Фалах когда-то знал и был приятно удивлен переменам, произошедшим в ней за такой короткий срок.

— Аюни... Доброе утро, — услышала Эми, как только проснулась. Он снова остался с ней, не исчезнув, как обычно, с утра пораньше... Ее психика была немного восстановлена, и он уже не внушал ей животный ужас или ненависть, как было еще совсем недавно, поэтому, увидев его возле себя, она восприняла это спокойно.

— Доброе, Фалах... — Не успела договорить, он мгновенно сгреб ее, полусонную, и уложил на себя, сверху... Как обычно, оба были обнажены: он не оставлял на ней ничего из одежды в постели, всё мгновенно слетало, чтобы ничего не могло помешать ему наслаждаться ее телом, все еще сводившим его с ума. Трогать ее, гладить, целовать, проникать языком куда только можно и нельзя, наслаждаться близостью с ней... Хотя назвать полноценным сексом то, что происходило между ними, ему было сложно... Он делал все, чтобы только разбудить в ней страсть, но все было напрасно: она оставалась ледяной куклой, которая никак не хотела оттаять, а может быть, даже не могла — не шла ему навстречу, не открывалась внутренне, не отзывалась на его ласки. Молча позволяла делать с собой все, что он захочет, и при этом еще ни разу не испытала оргазма, как бы упрекая его в бессилии и заставляя усомниться в своих мужских способностях... Будучи достаточно опытным мужчиной, он догадывался, в чем причина (конечно, сыграл свою роль и их первый неудачный контакт), и потому решил не давить на нее, не торопиться, дать ей возможность немного оттаять, привыкнуть к нему, и терпеливо ждал.

Вот и сегодня, проснувшись как всегда рано, полулежа, откинувшись на изголовье кровати, Фалах смотрел на спящую Эми... Он любил это делать по утрам, чтобы запомнить ее такой — нежной и беззащитной, мысленно вобрать в себя перед тем, как покинуть ее... Она во всем была другая, не похожая ни на кого, даже в том, как спала... Не как дитя, не как женщина, а как дикая кошка: томно, мягко, вальяжно растянувшись в полный рост. Ему было крайне сложно оторваться от лицемерия такой красоты и уйти... Он так и не дал ей заснуть до утра, но, стоило проснувшись пройтись восхищенным взглядом по обнаженному телу женщины, как снова страстно захотел ее, но стало жалко будить, и потому он мучился и терпел в ожидании, пока она проснется сама.

Её тело — тёплое, податливое после сна — дышало томительным соблазном. Лицо к лицу, утренний румянец на нежной коже и затаённые искры в полуприкрытых глазах. Шёлк волос рассыпался по его плечам. Вдыхая манящий аромат её кожи, в котором за ночь растворился запах его собственной страсти, он чувствовал, как внутри закипает неодолимая, первобытная сила. Кровь глухо и требовательно пульсировала в венах, отзываясь на опасную близость её лона.

Его захлестнуло дикое, почти пугающее желание сжать её в объятиях так крепко, чтобы стереть любые границы. Растворить в себе, вобрать без остатка, любить до изнеможения, до хруста костей и потери сознания — заставить стонать и кричать на грани боли и наслаждения...

Но, отчаянно борясь с этой неистовой жадой обладания, он властно обхватил её лицо ладонями и заглянул в самую глубину глаз. Притянул к себе. Его поцелуй, поначалу нежный, стремительно терял мягкость. Губы становились всё жаднее, требовательнее, поцелуи — горячее и грубее. Огненный след потянулся от глаз к трепетной шее, спускаясь ниже, к округлым упругим грудям. Наслаждаясь её глухими, прерывистыми стонами, он ласкал губами возбуждённые вершины, теряя остатки самообладания. Сдерживаться больше не было сил, да и имело ли это смысл?

Одним резким движением он усадил её на себя. Девушка едва успела ахнуть, как он, с нетерпеливым рычанием, заполнил её всю, до самого предела, пронзая до глухой преграды внутри. Из её груди вырвался вскрик — слишком глубоко, слишком резко, так он её ещё не брал...

Крепко перехватив её за бёдра, он задал рваный, неистовый темп, заставляя опускаться ещё плотнее, до упора. Стон разорвал тишину, но ему было мало. Даже теперь, властвуя над её телом, он задыхался от нехватки чего-то большего. Одной рукой он сжимал её упругую плоть, дразня и распаяя чувственность, а в помутневшем от возбуждения разуме набатом билась яростная мысль: «Что ты со мной делаешь... ведь течёшь уже...» Взревев, точно раненый зверь, он отдался этой грубой, мощной волне, сминая её сопротивление, заставляя задыхаться от темпа и накатывающего экстаза.

Как же он злился на неё в эти секунды! Злился за то, что мысленно она оставалась недосягаемой, не желая разрушить свой ментальный кокон, разделяя с ним лишь плотскую агонию, но не саму себя. Он ненавидел её — и любил до безумия, до сумасшествия. Как влюблённый идиот, готовый простить ей всё за один лишь откровенный взгляд, за искренний поцелуй, за то, чтобы она наконец открыла ему сердце. Но ничего не менялось. Она оставалась глуха к его одержимости — отстранённая, далёкая, ускользающая.

Он двигался в ней грубо, сильно, словно пытался этими яростными толчками выбить из неё хоть каплю настоящих чувств, пока не понял, что финал неизбежен. Не разрывая их тесной связи, тяжело и шумно дыша, он обвинил её руками и рывком перевернулся, вжимая в постель. Теперь она оказалась под ним, глядя снизу вверх своими бездонными, как два пленяющих озера, глазами. Он жадно впился в её губы, сделал несколько последних, сокрушительных толчков и, содрогаясь всем телом, бурно излился внутрь.

Навалившись на неё всей тяжестью и намертво заперев в своих объятиях, он шумно выдохнул ей в самое ухо, вкладывая в одно-единственное слово всю свою боль и нежность:
— Аюни...

А потом, отдышавшись и придя в себя, мужчина потерся щекой о её щеку и что-то прошептал на незнакомом ей диалекте: «Джурух аль-гальб ма тибра би-ль-вакт, тибра би-ханан аль-идин алляти джарахатха». Скорее всего, это был староарабский. Она не поняла смысла сказанного, но почувствовала... язык тела красноречивее всяких слов и никогда не обманет... внутри нее медленно разливалось что-то теплое и непонятное, волнующее и в то же время успокаивающее. Но не успела ни о чем подумать... Он легко сгреб ее на руки и пошел в ванную, изъявив желание лично ее искупать, и опустил в уже заполненную теплой водой ванну с пышной пеной на поверхности, источающей насыщенный благородный аромат арабского уда. Стал нежно смывать с нее следы бурной ночи и своей необузданной страсти, мягко натирая мочалкой, уделяя внимание каждому изгибу, каждой выпуклости, каждой складочке тела желанной женщины, с любовью разглядывая его и чувствуя, как снова возбуждается...

— Я знаю, что ты еще не была в конюшне, — загадочно улыбаясь, Фалах обратился к Эми во время завтрака.

— Нет... Мне и не предлагал никто.

— Помню, ты говорила, что отец занимался лошадьми.

— Да, у нас была конюшня... Я очень любила там бывать, иногда помогала отцу, но чаще... — Девушка замолчала и, улыбаясь, повернулась к нему. — Ты только не смейся.

— Не буду, — деланно серьезно заверил ее мужчина. — Говори...

Погода была ласковой, нежаркой... солнце светило в окно, наполнив большую просторную комнату теплом и ярким светом. Настроение прекрасное: она давно не чувствовала себя

так умиротворенно. Даже присутствие Фалаха не смогло его испортить, хотя его присутствие, может быть, привносило какое-то оживление в ее скучное, серое утро, какое-то разнообразие... В первый раз они завтракали вместе, при этом не спорили, не ругались, не ссорились, не были враждебно настроены друг против друга... Наоборот, казалось, что они давно знакомы и очень близки. Было в этом что-то необычное, что-то теплое, семейное, непривычное — что-то из прошлой жизни, от которого уже успела отвыкнуть, но по которому все еще скучала...

— Я разговаривала с лошадами... Особенно в детстве: делилась с ними секретами, иногда угощала вкусностями, которые тайком таскала из кухни...

— Это нормально... Я и сам был не прочь потрепаться со своим конем в детстве, — с трудом скрывая улыбку, выговорил он.

— У тебя был свой конь? — До Эми не сразу дошло, что она спросила глупость: у наследника правителя халифата не могло не быть скакуна.

— Я с пяти лет выезжал с отцом на соколиную охоту на своем коне и самостоятельно держался в седле, — спокойно ответил он.

— Правда? С пяти лет? Дитя еще... — Она закатила глаза. — И ни разу не падал?

— Ну почему? Падал... И не раз... — Он заговорщически подмигнул. — Но я был серьезным парнем и считал, что наследник эмира не должен быть слабаком, и скрывал от всех свои синяки и ссадины, особенно от мамы.

— У меня тоже была своя лошадь, — заинтересованно засветились ее глаза. — Отец подарил мне ее на семнадцатилетие... Я светилась от счастья и очень гордилась. Это была моя первая лошадь.

— Неужели у семнадцатилетней девушки не было других интересов? — искренне удивился он.

— Были... и немало... Я училась в университете, много читала, параллельно занималась музыкой, спустя немного времени стала изучать арабский язык, а заодно и восточную культуру и традиции... У меня были приятельницы, мы иногда встречались, ходили друг к другу в гости, но я всегда старалась выкроить время и проводила его на конюшне со своей любимицей...

— Ты заметно отличаешься от юных барышень, с которыми мне приходилось сталкиваться. Обычно женские интересы — они более утонченные... украшения, наряды, ароматы.

— Да-да... а еще музыка, поэзия и танцы, — вставила Эми, смеясь. — Так мама всегда говорила и добавляла, что конюшня — это не поэтический салон, где девушка из общества может прикоснуться к прекрасному.

— Она права. Скорее это увлечение для мужчины, для которого чистокровный породистый скакун — это уже целая поэма и бесконечный источник вдохновения.

— Это у меня в папу, он с детства прививал мне эту любовь, даже однажды взял с собой на аукцион. А мама — любовь к музыке, она была изысканной, необыкновенной женщиной... В глубине души я всегда восхищалась ею, но, к сожалению, не смогла стать такой, как она.

— Зато внешне вы очень похожи. Очевидно, ты взяла все самое лучшее от своих родителей.

— А однажды я увидела белую лошадь и была очарована ею. Мы тогда уже были помолвлены со Стивом и планировали пожениться. Отец загорелся идеей подарить мне на свадьбу такую же... — Девушка запнулась от внезапно нахлынувших воспоминаний, о которых не хотела говорить, но слова как-то произвольно сами вышли из нее, и она негромко добавила: — Белоснежную...

— Почему белую? — мгновенно спросил Фалах, в глазах которого заплясали черти... Хотя в такие редкие приятные минуты ему меньше всего хотелось слышать о других мужчинах.

— Как символ целомудрия, чистоты и непорочности невесты. Отец очень гордился тем, что сумел привить мне правильные морально-нравственные ценности, и хотел, чтобы на сва-

дебной церемонии я вышла к жениху верхом на ней. — Она тяжело вздохнула. — Мы были с ним очень близки... — Замолчала и отвернулась, чувствуя тупую боль в груди и большой ком, так некстати подкативший к горлу.

— Эми, — прошептал он, прижал к себе и погладил по плечу. — Не надо... хватит грустить... Ты им уже не поможешь.

— Я очень скучаю по своей прежней жизни... По маме и папе... Очень... — прошептала едва слышно.

— Мы все когда-то теряем близких, я знаю, как это больно... Но им еще больнее видеть, как ты страдаешь... Не мучай ни себя, ни их... Ты слышишь меня? Отпусти их... Дай их душам упокоиться.

— Я постараюсь, — вздохнула тяжело.

Он был счастлив, что впервые они ведут себя как нормальные люди... не спорят, не ругаются, не обвиняют друг друга, пытаясь сделать больно, наоборот — тепло общаются как близкие люди, делясь душевными воспоминаниями... и потому не хотел разрушать эту приятную идиллию.

— Какие у тебя на сегодня планы?

— Какие у меня могут быть планы при моем скудном выборе?

— Не хочешь побывать в моей конюшне? — быстро спросил он, пока она не углубилась в воспоминания и не ушла в себя.

— Хочу... Очень... Если можно, — отозвалась она.

— Сейчас расправимся с завтраком и пойдем... Как тебе такой расклад? — Он повернулся к ней и слегка сжал ее плечо.

— Правда? Я с удовольствием, — наконец улыбнулась девушка.

— Значит, договорились...

Уже через час эмир Хафрака в сопровождении своей наложницы, советника и главного придворного конюха Хасана не спеша передвигались по длинному коридору эмировской конюшни... Просторная абайя полностью укрывала тело женщины от любых посторонних взглядов, никаб наглухо скрывал волосы, лицо и очертания изящной шеи, оставив открытыми только необыкновенной красоты глаза. Она казалась совсем неприметной, и распознать ее было почти невозможно, но так казалось только на первый взгляд... потому что каждый житель халифата, кто только видел ее, знал, что за черным нарядом скрывается самая важная женщина их повелителя, его главная фаворитка, чужачка, и, как ее все называли — хурма байда (араб. «белокожая женщина»).

Хасан, взволнованный внезапным появлением эмира, заметно нервничал, но старался не выдавать своего волнения, скрывая его за сосредоточенным лицом и хмуро сдвинутыми бровями. Подобострастно опустив голову, он следовал за своим господином и, держась от него на расстоянии пары шагов, вкратце рассказывал обо всех последних событиях, происшедших в его вотчине. Саттар, всюду сопровождающий своего повелителя, шел рядом с ним и быстро записывал некоторые детали, заинтересовавшие его.

Комплекс состоял из трех больших конюшен и административного здания, в котором находился многочисленный персонал: конюхи, кузнецы. Весь необходимый инвентарь, манежи и наружные загоны располагались во внутреннем дворе. С двух сторон от коридора, по которому они неспешно передвигались, направляясь вглубь большой постройки, в ряд располагались тщательно вычищенные просторные стойла, в которых стояли заботливо ухоженные

чистокровные арабские скакуны. Кругом царили безупречные чистота и порядок... Отряд стражников, отвечавших за жизнь и безопасность эмира, держался поодаль по его личному приказу.

Иногда, когда его спутница останавливалась возле стойла и заинтересованно спрашивала о какой-нибудь понравившейся ей лошади, главный конюх (тщательно избегая смотреть на нее, появлением которой был немало шокирован, потому что впервые за много лет, а служил он здесь всю свою сознательную жизнь, в конюшне появилась женщина — даже не просто женщина, а главная зазноба их всесильного повелителя) старательно отвечал на ее вопросы... А она слушала, пытаясь не замечать, с каким упорством он отводит глаза, избегая смотреть даже в ее сторону. Потому что она в его понимании — падшая женщина, отвергнутая обществом, грязь, недостойная уважения, и оскверняла своим присутствием это святое место, храм, куда не должна ступать нога таких, как она. Он мог не говорить об этом, но она чувствовала брезгливое снисхождение, которое он испытывал к ней, которым был пропитан воздух вокруг... ощущала его кожей и всеми фибрами своей души...

Будучи хорошо знакома с нравами Востока, она прекрасно знала: если бы не животный страх перед Эмиром и знание того, что она всецело принадлежит ему, то этот конюх, подобострастно согнувшийся в три погибели и тщательно отвечающий на ее вопросы, брезгливо сплюнул бы ей под ноги и обозвал грязной шармутой... Но умом понимала, что его трудно упрекнуть в предвзятости или женоненавистничестве — в этом не было его вины или тех немногих, с которыми сталкивалась в последнее время... Кем она была в глазах этих людей? Кем в действительности была для Фалаха? Его игрушкой для секса, постельной принадлежностью, экзотической куклой, с которой еще не наигрался... Она и была шармутой, все об этом знали, и винить их было не в чем... это и был ее нынешний статус... Даже будь она дома, в Англии, к ней бы было такое же отношение: перед ней навсегда закрылись бы двери в приличное общество, при виде нее шушукались бы за спиной... и назывался бы ее статус немного по-другому — содержанкой. Это можно называть как угодно, но сущность от этого не менялась...

Но сегодня был особенный день, и ни конюху, ни кому бы то ни было другому она не позволит омрачить его или испортить настроение... даже самой себе... и не задумываясь выкинула из головы все дурные мысли, сосредоточившись на себе и наслаждаясь своими новыми, необычными, но очень приятными ощущениями... Сегодня, впервые с того дня, как ее выкрали и вернули назад в Хафрак, ей было по-настоящему хорошо и спокойно. Гнетущие чувства обреченности и безысходности, одиночества и тоски, что безжалостно отравляли ее сознание и толкали на необдуманные, нелогичные, а порою и дикие поступки, стали постепенно притупляться и терять свои очертания. Страх от неопределенности за настоящее, за будущее, державший в напряжении и сводивший с ума, осторожно выпускал ее из своих крепких, удушающих объятий.

Появилось давно забытое ощущение безопасности и защищенности, правда пока еще очень слабое и едва заметное, но оно крепло и усиливалось с каждой минутой, проведенной вместе с самого утра. Каждым взглядом обжигающих черных глаз, которые сегодня смотрели на нее не так, как обычно, а с какой-то нежностью, с теплом, с заботой... каждым ничего не значащим словом, произнесенным в легком, непринужденном диалоге, который еще вчера казался невозможным... случайным прикосновением, которое еще совсем недавно вызывало чувство неприязни... воспоминаниями о тех невероятных ощущениях, которые испытывала еще утром, когда он мыл ее, нежно прикасаясь к ее коже. Они не отпускали ее весь день и вго-

няли в краску, заставляя смущаться и краснеть, мысленно радуясь тому, что лицо ее надежно скрыто и он не может читать ее мысли...

Ей было легко и свободно, давно она не чувствовала себя такой живой, подлинной и настоящей... Эми была в восторге от экскурсии, которую, несмотря на свою занятость, организовал и сам лично провел для нее Фалах. В глубине души она была ему благодарна за этот необыкновенный день, за приятно проведенное время, за его отношение к ней. Как ей казалось, он очень изменился в последнее время: стал мягким, чутким, доверчивым, нежным... Как же ей хотелось верить в это! Но не могла — боялась обмануться, боялась ошибиться и разочароваться, потому что сложно поверить в то, что этот сильный, облаченный неограниченной властью и уверенный в себе мужчина может измениться... Конечно, нет... люди не меняются... она никогда не поверит в это... а значит, это все игра: просто ему стало скучно и он решил поразвлечься. Так кошка иногда играет с мышкой, развлекая себя, а стоит ей проголодаться — и счастьем мышки приходит конец... Вот и ей не стоит обольщаться: как только Фалаху наскучит и его потянет на что-то новое, он просто сбросит с себя овечью шкуру и снова станет самим собой...

Закончив осмотр внутренних загонов, Фалах предложил выйти к манежу, посмотреть на работу берейторов, занимающихся заездкой молодых необъезженных скакунов.

— Это очень зрелищно и опасно, Эми... Ты когда-нибудь видела такое?

— Нет... только то, как наш конюх приручал уже обученных лошадей... Но я с удовольствием посмотрела бы.

— Тогда пойдем... Думаю, тебе понравится.

— Я даже уверена в этом, — она подняла на него глаза, в которых отражался восторг и восхищение.

Фалах посмотрел на Эми и как-то странно улыбнулся. Эми улыбнулась в ответ, не совсем понимая, что происходит. Подойдя поближе к манежу под открытым небом с высокой оградой вокруг, девушка от неожиданности застыла. В центре площадки стояла роскошная белоснежная лошадь, грациозная, с длинной изогнутой шеей, и гордо била копытом о землю. Мужчина, в задачу которого входило приручить молодое животное, находился неподалеку, но стоило ему только подойти к ней поближе, как строптивая красавица громко ржала и становилась на дыбы... Картина была завораживающей: более красивой лошади Эми еще не доводилось видеть в своей жизни — только что-то отдаленно похожее на картинках в книгах или в журналах... Припав к дощатому забору, широко открыв изумленные глаза, она неотрывно смотрела на нее. Фалах наблюдал за девушкой и едва заметно улыбался. Наконец, когда дар речи вернулся к Эми, она восторженно воскликнула:

— Боже... Фалах... Что это?

— Нравится? — он уже широко улыбался своей белозубой улыбкой.

— Она роскошна... — только и смогла выдавить из себя девушка.

Необъезженная молодая кобыла, своенравная, привыкшая к свободе, пресекала любые попытки мужчины подойти к себе, громко ржала и отскакивала в сторону, демонстрируя свой строптивый нрав.

— Судя по ее поведению, она здесь не так давно и еще не дала оседлать себя, — со знанием дела высказалась Эми.

— Да. Всего несколько дней... Хмм... — Он хмыкнул, довольный тем, что так удачно угадал с окрасом, вспомнив их утренний разговор. — Гордая, никого к себе не подпускает.

— Знает себе цену...

— На тебя похожа, — сказал мужчина, подойдя к ней.

— Ты так думаешь? — Она опешила от его слов.

— Нет, не думаю... я это вижу... Вы будете здорово смотреться вместе.

— Лестное сравнение, конечно, но хотелось бы всё-таки уточнить, — она впервые откровенно кокетничала с ним, без смущения и осторожности... и он был этому безумно рад, мысленно подмечая, что и ей это нравится...

— Что именно?

— А в чем эта схожесть заключается? Так же хороша, как и я? — с вызовом спросила Эми.

— Такая же строптивая, как ты, — усмехнулся он, сожалея о том, что не видит ее лица, и чувствуя, что она покраснела. — Независимая, с крутым норовом.

— А толку... Все равно ведь сломаешь, — вздохнула тяжело. — На каждый норов есть свой кнут. Все как у людей.

— Ты права, все как в жизни... только, в отличие от животного мира, у человека есть выбор...

— Выбор? И какой?

— Дать себя сломать или пойти на компромисс... Проще говоря, стать умней, уступить, может быть, даже сделать шаг назад. — Он замолчал и устремив на нее пылкий взгляд — обоим было ясно, о ком он говорит. — И почти без потерь получить все, что пожелает.

— А если ни один из вариантов не соответствует его жизненным убеждениям?

— Значит — к черту убеждения, которые наносят вред своему обладателю.

— Как у тебя все легко получается, Фалах. Невозможно в одночасье по щелчку пальцев взять и переделать себя.

— Зато у тебя непревзойденные способности всё усложнять и доводить до крайности.

В это время на соседнем манеже объезжали молодого скакуна. Но стоило белой красавице громко заржать, как конь, заржав в ответ и вытянув шею, подошел к ограде и призывно посмотрел на нее. Едва взглянув на него, она снова заржала и неторопливо прошлась по манежу, давая себя разглядеть.

— Вижу, ты запала на нее... Не можешь глаз отвести...

— Трудно от такой отвести взгляд... Необыкновенной красоты... Никогда не видела ничего подобного.

— В этом я с тобой согласен. У меня еще таких не было. Бился за нее на торгах до последнего покупателя, не хотел упускать.

— Было много желающих?

— Немало... но было дикое желание...

— И ты оказался удачливее всех, Фалах... получил что хотел... впрочем, как и всегда.

— Она твоя, — просто сказал он, не сводя с нее восторженных глаз и накрыв своей ладонью ее руку, лежащую на ограде. — Мой подарок тебе.

Эми стояла в растерянности, не зная что ответить... Да, они говорили утром за завтраком о том, что отец хотел купить ей белую лошадь, но ситуация получилась какая-то двусмысленная... Воспоминания нахлынули с новой силой, все мысли перемешались, а в голове опять был

полный хаос... она молчала, только бы не сказать лишнее... что угодно, только не очередной конфликт, не ссора...

Фалах перестал улыбаться, взгляд стал удивленным, потом немного напряженным.

— Что ты молчишь? Я снова не угадал с подарком? — это был намек на судьбу его предыдущих подарков.

— Нет, Фалах... Дело не в этом, — выдавила с трудом.

— Что опять? — произнес раздраженно и крепко сжал ее ладонь. Она заметила, как он бросил беглый взгляд, чтобы убедиться, что их никто не слышит. К счастью, главный конюх вместе с Саттаром отошли к соседнему манежу и о чем-то переговаривались. — Ты же мечтала о белом скакуне...

— А ты не помнишь, что значил белый цвет для меня?

— Какая к черту разница? — он попытался вспомнить. — Что ты там говорила? Символ чистоты и непорочности?

— Да... МОЕЙ чистоты и непорочности, Фалах. Ты немного опоздал с подарком.

Боже... Неужели это сказала она? Эми ужаснулась собственным словам, она и сама не поняла, как это вырвалось... Неужели такой хрупкий, шаткий мир, установленный между ними с таким трудом, снова рухнул? Меньше всего на свете хотелось этого, но слово за слово — дальше все стало еще хуже и вышло из-под контроля.

— Что? Это ты к чему сейчас? — лицо побледнело, в глазах снова лед, в голосе сталь.

— Ты утопил меня в грехе и в похоти, сделал своей шлюхой, мной брезгают как грязью, прилипшей к ногам, и теперь ты заговорил о чистоте и непорочности? Не слишком ли поздно, Фалах?

— Что за драматизм... Эми? Все никак не успокоишься? Хватит цепляться за свои принципы, за которыми спряталась как за ширмой и отказываешься видеть реальность.

— Ты так ничего и не понял.

— Конечно... Куда мне, дикому бедуину... Так просвети меня...

— Дело не только в моих принципах...

— А в чем?

— В том, что я родилась и выросла в патриархальной семье, где царили строгие морально-нравственные устои. Я не могу просто взять и в одночасье измениться. Ты душишь меня, принуждаешь к тому, что для меня неприемлемо... чему мне ставили в пример того, как не должно быть... что осуждает и отвергает приличное общество... как те ужасные вульгарные платья, в которые ты хотел меня одеть... как все, что ты делаешь со мной в постели, заставляя стыдиться

и чувствовать себя грязной и развратной... Я задыхаюсь от твоей страсти, твоей жажды обладания мной, твоей одержимости...

Случилось то, чего Эми боялась больше всего. Все, что мучило ее так долго, но что она не могла высказать, не знала как, боялась — всё вышло наружу против ее желания... А теперь она стояла в полной растерянности и не знала, что ее ждет... Знала только, что никогда не простит себе этой бездумной несдержанности и до конца дней будет сожалеть об этом.

Он молча смотрел на нее. Еще недавно живое, теплое лицо стало непроницаемым, не выражало ничего, в глазах лед...

— Ну вот и поговорили... — произнес холодно. Перед ней уже стоял эмир Хафрака.

Понять, что он собирается предпринять, ни по тону его голоса, ни по выражению лица было невозможным, хотя в глубине души все же теплилась слабая надежда, что он не станет реагировать на ее идиотский демарш и забудет об этом. Но, похоже, она ошибалась и все-таки довела его до точки кипения.

Повернувшись к своим стражникам, эмир молча кивнул головой. Огромный гигант, глава его личной охраны, с которым девушка сталкивалась не раз против своей воли и о котором у нее остались самые неприятные воспоминания, отделился от группы и подошел к ним.

— Хамид, проводи ее до ее комнаты, — сказал он спокойно, даже не взглянув на нее.

Оставил ее в полной растерянности и, не попрощавшись, направился к соседнему манежу. Лучше бы наорал, накричал, ударил — всё было бы лучше, чем вот так: равнодушно, спокойно, пренебрежительно... Она смотрела ему вслед... Уверенной походкой он отдалялся от нее... Дежавю... Такое уже было однажды... Он так же уходил с пренебрежением, проигнорировав ее порыв спасти любимого, но тогда на душе было беспокойство, отчаяние, страх за другого, того, кто уже тоже остался в прежней жизни... А сейчас? А что сейчас — она и сама не знала... Знала только, что с ней что-то происходит... что ей очень плохо... что сердце внезапно пронзила острая боль, как будто в нее вонзили нож... и эта боль неторопливо заполняла ее изнутри. Но откуда она взялась? Что это? Почему так больно? Одни вопросы... и как всегда без ответов...

Ее жизнь, как ей казалось, постепенно налаживалась. Наглухо закрытая клетка, в которой в какой-то момент она боялась задохнуться, вдруг приоткрылась, дав ей возможность почувствовать себя хоть немного свободной; она уже не чувствовала себя такой несчастной — и вдруг всё в одночасье уничтожить, сломать своими руками... Как такое могло случиться? Как она могла сделать это? Как? «Господи, почему я не умею как нормальные люди просто жить?» — крутилось в воспаленном сознании... Почему я все довожу до конфликта? Почему я не умею врать и изворачиваться? Почему, Господи? Почему? Мысленно корила себя, но что-то ей подсказывало, что речь идет не только о замке на дверях ее комнаты... что причина гораздо глубже... гораздо серьезнее, и находится она в ней самой.

Девушка стояла и молча смотрела ему вслед, а он все отдалялся, так и не взглянув на нее...

Нервно вышагивая по своей комнате из угла в угол, уверенная в том, что ее опять замуровали, Эми уже в сотый раз подходила к двери и толкала ее... Она оставалась незапертой. Выходила из комнаты, прогуливалась по этажу, но ее никто не окликал, не возвращал назад — там вообще никого не было. Спустилась вниз в парк. Говоря откровенно, она совсем не хотела идти туда и снова сталкиваться со стервами, которые ненавидели ее и были готовы в любой удобный момент вцепиться ей в горло... но сейчас ей было плевать на них, ей было плевать вообще на все.

На душе было скверно, беспокойно, тяжело. Незнание, чувство тревоги и одиночества внезапно обострились и вгоняли в депрессию и тоску. Не обращая внимания на возгласы и улюлюканье наложниц, она уверенно направилась вглубь парка, долго блуждала и вернулась назад уже затемно...

Вновь никаких перемен... Всё открыто, никакой охраны... Самое главное то, что Фалах не запер ее снова. А то, что наговорила ему столько всего — она извинится перед ним. Это было лишнее, ей не надо было говорить этого всего... Он сейчас к ней зайдет — взгляд упал на часы — совсем скоро, не позже чем через полчаса, она все уладит... вернет его расположение...

Прошел час, но его не было. Значит задержался. С минуты на минуту откроется дверь, и он войдет... обязательно войдет... Не может не войти к ней...

Уже была глубокая ночь, Эми продолжала тревожно ходить по комнате, не отрывая взгляда от двери в покои Фалаха. Его все еще не было, он так и не пришел...

Несмотря на то, что рассорилась с ним, самое главное — что все осталось как прежде, она не потеряла ничего, значит можно не волноваться, внушала себе, но легче от этого не становилось. Кого она пыталась обмануть?

Завтра снова отправится на конную прогулку, будет отдыхать, наслаждаться жизнью — но звучало это как-то совсем неубедительно. Боль в груди не отпускала, наоборот, становилась сильнее. Почему ей так плохо? Снова и снова задавалась вопросом... Почему? Сейчас, когда можно радоваться, что этот зверь больше не будет ее домогаться (ведь это именно то, чего она хотела: наконец он оставил ее в покое и, судя по всему, надолго), но почему же совсем не радостно? Чего же теперь ей не хватает? Почему что-то больно жжет в груди? Почему еще совсем недавно мечтала бежать от него, а сегодня ее как магнитом тянет к нему? Почему? Вопросы, вопросы, вопросы... ответов на которые она и сама не знала... а на душе было холодно, скверно, тоскливо и одиноко.

Наконец, когда время перевалило далеко за полночь, стало ясно, что ждать уже бессмысленно, а о том, чтобы заснуть, не могло быть и речи. В душе бушевал ураган похлеще песчаной бури в пустыне... и она решила... Пусть он после этого хоть забросает ее камнями за то, что без приглашения, без позволения зашла к нему — не важно что потом, важно что сейчас... и она сделает это, попытается с ним поговорить... и будь что будет...

Подойдя к двери, ведущей в спальню эмира, она долго стояла в нерешительности, настраивалась. Руки дрожали, пот ручьями стекал по спине. Наконец, глубоко вдохнув, коснулась

ручки двери и слегка надавила, мысленно молясь, чтобы она оказалась запертой, заколоченной, забаррикадированной — не важно. Но, к ее удивлению, дверь поддалась...

Прождав несколько секунд, она осторожно приоткрыла ее, всего чуть-чуть. В комнате стоял полумрак, витала тишина. «А может быть, его там нет, и потому он не пришел к ней...» Решимость мгновенно куда-то улетучилась, она уже сто раз передумала идти и уже собиралась шагнуть назад, как вдруг расслышала какое-то движение в глубине, и любопытство пересилило...

Осторожно ступая босыми ногами по прохладному полу, она вошла в комнату. Тяжелая портьера была слегка приоткрыта. Сделав шаг и стараясь не выдать себя ни единым шорохом, она заглянула внутрь... и замерла. Воздух застрял в груди, а губы невольно приоткрылись от заставшего врасплох шока.

В постели он был не один. Рядом с ним находилась та самая наложница-мулатка, с которой ей уже довелось столкнуться. Спину Эми мгновенно обдало липким холодом, во рту пересохло, а всё тело словно налилось свинцом. Превратившись в безжизненное изваяние, она не могла заставить себя отвернуться, широко открытыми глазами впитывая происходящее.

Он лежал обнаженным, вальяжно и расслабленно откинувшись на подушки, а на губах блуждала сытая, довольная улыбка. Женщина сидела на нём, покрывая его тело страстными, исступленными поцелуями. Её язык скользил по его шее, спускаясь к крепкой груди; она томительно ласкала его кожу, прерываясь лишь на то, чтобы прошептать очередное пылкое признание. Обладательница роскошных, зрелых форм и округлых бёдер, она казалась полной противоположностью Эми. В отличие от неё, эта женщина ни капли не стыдилась своей наготы, двигалась уверенно и упивалась собственной властью над чувствами. Она словно горела изнутри, источая первобытную, притягательную манящую страсть, отзываясь громким стоном на каждое его ленивое прикосновение.

«Пусть... Ей всё равно. Он — враг, чудовище, лишившее её свободы и прежней жизни. А эта покорная женщина — лишь его тень, игрушка, обязанная угадывать любое желание по щелчку пальцев. Плевать... Глубоко плевать на них обоих, пусть тонут в этом омуте страсти...»

Но если всё равно, откуда эта режущая, невыносимая боль? Словно в самое сердце вонзили клинок и медленно, с наслаждением повернули. И каждый новый, чувственный вздох соперницы заставлял этот клинок уходить ещё глубже, глумливым эхом отзываясь в воспалённых мыслях. Видеть это было выше её сил.

«Господи... что со мной происходит? Неужели я совсем потеряла рассудок? Как я здесь оказалась? Почему после всего, что он причинил мне, я сама пришла искать его, готовая просить прощения? Сама... Это наваждение, мазохизм, искажённая, безумная реальность... Бежать, бежать отсюда, пока не поздно, скрыться, заткнуть уши, чтобы не слышать этого!» — билось в голове, но ноги словно приросли к полу.

Между тем женщина устроилась удобнее между его коленей и с тихим, утробным стоном покорно склонилась к его паху. Эми мгновенно прижала ладонь к губам, сдерживая рвущийся наружу крик, и попятилась, намереваясь незаметно выскользнуть обратно в коридор. Но именно в эту секунду их взгляды скрестились. Её словно ударило током; земля ушла из-под ног.

Он смотрел прямо на неё. Смотрел надменно, с торжествующей, ледяной усмешкой. Эми сильнее вдавила пальцы в лицо, задыхаясь от унижения, а невидимый нож в груди провернулся снова. Она отчаянно хотела отвести глаза, но его взгляд держал её, как дьявол держит обречённую душу, заставляя смотреть, выпитывать, осознавать, чего именно она лишилась из-за своей непокорности.

Наложница продолжала ласкать его, выгибаясь всем телом, вкладывая все силы в то, чтобы угодить господину, маняще двигала бёдрами и искала его одобрения. Но он даже не смотрел на неё. Лишь снисходительно, рассеянно поглаживал её по волосам, не сводя своего затуманенного, но пронзительного взгляда со своей главной фаворитки, так не вовремя застывшей в проёме.

Вдруг тишину разорвал его хриплый, низкий голос:
— Ну что... теперь довольна? Все как ты хотела...

Слова хлестнули упрёком, жестоким уроком на будущее, окончательно ломая и без того сокрушённую девушку. Эми рвано вздохнула, чувствуя, как этот острый, раздевающий взгляд прожигает её насквозь.

— Ммм... мой господин, — промурлыкала мулатка, ослеплённая страстью и приняв эти слова на свой счёт. — Конечно довольна... Всем довольна... Благодарю тебя, мой повелитель... Нет для меня большего счастья, чем быть с тобой.

Это было показательное наказание для провинившейся. Он снова, с изощрённой жестокостью, указывал ей на её место, наглядно демонстрируя, как должна вести себя истинная женщина со своим повелителем.

Не помня себя от ужаса и стыда, Эми сорвалась с места и бросилась в свою комнату. С разбегу взлетев на постель, она с головой зарылась под тяжёлое верблюжье одеяло. Холод. Горький, пронизывающий холод сковал её и снаружи, и изнутри. Ослабшее тело бил сильный озноб, а ледяные капли пота катились по шее на шёлковую простыню, несмотря на удушливую знойную ночь за окном. Больше всего на свете ей хотелось уснуть, забыться, вычеркнуть из памяти эту новую, страшную грань её реальности... не думать, не чувствовать.

Событий для одного дня было слишком много. Если ещё утром ей казалось, что её жизнь обретает хрупкое равновесие и худшее позади, то теперь стало ясно: это затишье было лишь иллюзией. Короткой, обманчивой оттепелью, после которой неизбежно возвращаются суровые, безжалостные холода.

Шли дни, один похожий на другой. Эми продолжала ежедневно выезжать верхом на прогулки, так же каждый день спускалась в парк, но с утра пораньше, чтобы не сталкиваться ни с кем и не видеть никого. Просто ложилась на бортик фонтана, подставляя свое тело под сверкающие, освежающие брызги, надеясь, что вода сможет очистить ее и избавить от непонятной, гнетущей тоски, разъедавшей ее душу, о причине возникновения которой она догадывалась, но не признавалась в этом даже самой себе... а потом долго бродила пешком по большому парку, но не получала долгожданного избавления.

Уже прошла неделя с той памятной ночи, но Эми больше не видела Фалаха. Она была предоставлена самой себе и своим нерадостным мыслям. Он как будто забыл о ее существовании. Как будто не он еще совсем недавно приходил к ней почти каждую ночь и как зверь ненасытный набрасывался на нее, не давая сомкнуть глаз до утра... Как будто ее больше нет, как будто перестала существовать...

А вдруг сосуд просто заполнился? Наступило пресыщение... стала больше не нужна, не интересна, надоела, охладел... а теперь потянуло на новую экзотику. Еще совсем недавно казалось, что так будет всегда, что никогда не оставит ее в покое, не исчезнет из ее жизни — а она мечтала только о том, чтобы хоть на одну ночь отдохнуть от него... Как же все быстро изменилось, быстро и неожиданно... Они почти поменялись ролями...

Теперь, затаив дыхание, считая секунды, она ждала его, а он не приходил... хотя бы на одну ночь — а его не было... Чтобы просто заглянул, улыбнулся, сказал что-нибудь, спросил, скучала ли... В этот раз она обязательно ответила бы, что скучала... что очень скучала... очень ждала... что ей не хватало его. Но ее окружала только тишина... Он не приходил, как будто пропал, как будто испарился, исчез... как будто его и не было никогда...

По душе прошелся ураган разрушительной силы и все разметал, не оставив ничего, совсем ничего: ни мыслей, ни чувств, ни желаний, ни ощущений... ни в сердце, ни в сознании... кроме пустоты... Она не могла объяснить даже самой себе, что с ней происходит, почему скучает по этому зверю, которого еще совсем недавно ненавидела, а теперь так мучительно ждала...

Ей уже не приносили радости прогулки верхом, но она продолжала выезжать, чтобы хоть ненадолго забыться, не думать о нем... Также прогулки в саду уже не доставляли удовольствия, но все равно была нужна отдушина, чтобы забыться, не думать... но не думать не получалось...

Целая неделя... Рука сама потянулась к ручке двери... Сил уже не было ждать... Холодный металл встретил неласково... Не поддался давлению... Дверь оказалась запертой... Сердце остановилось. Забыла как дышать... Остановилось время... Наверное, в этот миг остановилось всё, вся вселенная...

Его дверь, которая всегда была открытой, открытой для нее, вдруг оказалась запертой... Запертой... Всё ясно как ясный день: он говорил красноречивее любых слов, что отделяет себя от нее, ну или ее от себя... Не важно. Важно то, что он уже разделил их... и это значит, что властный эмир Хафрака принял свое решение... последнее слово как всегда за ним... и поставил свою завершающую точку.

Эми уже не строила никаких иллюзий по поводу своего будущего. Еще день, два — и ее выселят из комнаты главной наложницы... В гарем уже навряд ли... постылых, поднадоевших бывших шлюх рядом не держат. Зачем? Значит прямая дорога в Аль-Шамию... куда ссылают бывших... Никаких сомнений, это только вопрос времени... А из случайно подслушанного разговора служанок она узнала, что мулатка объявила всем, что очень скоро заселится в эту комнату...

Закрытая дверь что-то изменила в ее душе, как будто душа сама закрылась, укрылась, отгородилась от всего, что было связано с ним, отгородилась и затихла, не подавая признаков жизни, напоминая о себе только тупой, ноющей болью...

Она ведь знала, что так и будет, но не могла понять — как, в какой момент он перестал быть для нее врагом и зверем, и когда же ненависть, цветущая в ней буйным цветом, переросла в нежные чувства... Это она изменилась, а он остался таким, каким он был, и никогда не прикидывался, не пытался казаться лучше. Монстр, привыкший получать от жизни всё, что только пожелает, и не знающий отказа...

Захотел ее — получил, и пошел дальше, не оглядываясь назад, не испытывая угрызений совести и не задумываясь о ее чувствах. Это она по своей наивности решила, что он изменился — во всяком случае, очень хотела в это верить... хотя в глубине души никогда не сомневалась в том, что этого зрелого, состоявшегося мужчину ничто и никто на свете не сможет изменить... Знала, что он дьявол бездушный, знала, что разобьет ее сердце, знала, что ему не нужен никто... но, наплевав на всё, забыв про осторожность, закрыв глаза и отдавшись неведомому чувству, как мотылек, летела на огонь... навстречу своей гибели.

Одевшись как всегда для верховой езды в мужской наряд, Эми объявила своим сопровождающим, чтобы ее проводили в конюшню, а прогулка по пескам на сегодня отменяется...

В тот незабываемый во всех отношениях день она была там с Фалахом. Кто знает, может в силу нынешних обстоятельств ей уже не представится такой возможности снова попасть туда. А что-то внутри нашептывало: если оказаться там, где уже была с ним, прочувствовать ту же атмосферу, пройти по тем же местам, вдохнуть того воздуха, который делила с ним — то ей станет легче... боль отступит... хотя... кто знает...

В этот раз ее сопровождающим был старший из ее конников, он молча следовал за ней на расстоянии в несколько шагов. Хасан при виде нее был удивлен не меньше, чем в прошлый раз, и раздражен, но не подавал виду, зная, что, пока возле нее маячит тень ее всемогущего покровителя, она — неприкосновенное лицо. Перекинувшись с ее стражником парой слов, он молча покинул их и больше не появлялся на глаза. Быстрыми шагами Эми ступала по длинному знакомому коридору, ноги сами несли ее во внутренний двор — туда, где располагались манежи.

Ей не терпелось увидеть ту, которая косвенно стала виновницей их раздора, погладить ее, поговорить с ней — ведь эмир приобрел эту красавицу специально для нее. Значит, в это время он думал о ней, вспоминал ее, представлял, как она будет выглядеть в седле... Она уже решила для себя, что обязательно оседлает ее. Ей нужно это сделать. Пусть Фалах знает, что эти ужасные обвинения, которые она бросила ему в лицо, в действительности ничего для нее не значат... Неважно что означал этот чертов цвет, плевать на эти символы, к черту всё... это всего лишь пустые слова, которые она наговорила по глупости... Больше не надо слов... Она на деле докажет...ему, что его подарок имеет для нее самое важное значение... что не воротит нос, как, к сожалению, было всегда, а принимает его подарок, а значит, принимает и его самого...

Девушка не ошиблась: белая красавица действительно находилась в манеже, гордо расхаживала по кругу, но была уже сравнительно спокойной и выполняла незамысловатые приказы своего учителя. Уже привыкнув к нему, она не буйствовала, не становилась на дыбы всякий раз, когда он к ней подходил. Но назвать ее совсем уж покладистой было бы смешно: всё-таки она еще неопытная, необъезженная лошадь и временами продолжала бороться со своим поработителем.

Эми вошла в манеж осторожно, чтобы не напугать пугливое по своей природе животное, обладающее крайне чутким слухом. Не делая лишних движений, она ласково нашептывала нежности, приучая лошадь к себе и своему голосу.

При виде девушки берейтор — молодой мужчина, работавший с ней, — немного опешил, но он хорошо знал свое дело, и его истинное состояние отражалось только на лице. Не делая лишних движений и не повышая голоса, он попросил ее выйти, объяснив это тем, что лошадь еще слишком молода и неопытна и боится незнакомых людей.

Эми не собиралась отступать: как будто какая-то неведомая сила тянула ее к кобыле. Она как одержимая, игнорируя предостережения мужчины, пытавшегося всеми возможными способами выставить ее за ограду, и не слыша голоса разума, медленно направилась к ней. Несчастный старался достучаться до девушки: он имеет личный приказ эмира не подпускать сайидати даже близко к этой лошади, пока та не будет готова для верховой езды и пока он лично не даст на это своего специального позволения.

Как же это цинично и аморально, впрочем, как и всегда в его характере: одной рукой Фалах беззастенчиво причиняет боль, рвет ей сердце, отлучая от себя, а другой — заботится о ее безопасности... Ничего не меняется...

Это еще больше подстегнуло ее доказать ему, что не всё должно быть так, как хочет он. Она снова забыла о том, что еще совсем недавно жалела о своей неуступчивости и упертости и была готова на всё, только чтобы отыграть назад и вернуть его расположение.

Достав из кармана один из кусочков сахара, предварительно припасенных ею еще с утра, и вытянув вперед ладонь, она медленно направилась к лошади.

Как ни старался, берейтор не смог ее остановить. По закону Хафрака никто из мужчин не имел права прикасаться к женщинам эмира, и потому спокойными движениями, чтобы не напугать кобылу, он попытался привлечь к себе внимание ее стражника, который стоял за оградой и смотрел куда-то в сторону, чтобы тот вывел девушку из манежа.

Негромко нашептывая нежности, Эми медленно приближалась. Животное вначале насторожилось при виде незнакомца. Девушка спокойно вытянула конец куфии, открывая свое лицо и позволяя лошади привыкнуть к ней, и продолжила приближаться. Прошло немного времени, прежде чем эти несколько метров, отдаляющих двух строптивцев друг от друга, в итоге были успешно преодолены. Эми ласкала ее, угощая сахаром, гладила шею, мордочку, спину и негромко разговаривала, делясь с ней самым сокровенным, о чем не смогла бы никому рассказать... совсем как было в ее детстве.

Молодой человек стоял в сторонке, не решаясь подойти, чтобы не напугать животное... Лошадь всё-таки приняла незнакомку... довольно фыркала, с удовольствием терлась мордой о ее ладонь и играла копытами, переминаясь с ноги на ногу...

«Всё как у людей», — грустно пронеслось в голове. Борешься, отстаиваешь свои права и свободы, гордо держишься, демонстрируя всему миру непреклонность и твердость, верность своим идеалам и принципам, но всегда найдется тот, кто сумеет найти подход: правильно погладить, покормить из ладони, нашептать нужные слова... и не успеешь опомниться, как ты вместе со всеми своими убеждениями, самолюбием и норовом уже стоишь в стойле, на

привязи, прирученная, и, довольно раскачивая хвостом, кормишься из его руки... а что самое страшное — безумно этому рада...

Прошло немало времени, прежде чем лошадь позволила ей взобраться на себя... Девушка поудобнее уселась в седло, облегченно вздохнула и наконец мягко коснулась пятками боков. Кобыла бодро оттолкнулась с места и уверенными легкими шагами пошла вдоль ограды. Спустя секунды лошадь ускорила шаг, а потом и вовсе перешла на бег... Она была спокойна, расслаблена, никакого напряжения. Эми уже успела легко вздохнуть...

Спустя минут пять, когда казалось, что животное уже успело привыкнуть к наезднице и всё страшное позади... что-то пошло не так... Кобыла занервничала, громко заржала, замотала головой. Эми попыталась ее успокоить, держась за седло, чтобы не вылететь из него, но лошадь перестала слушать наездницу и как с цепи сорвалась. Вероятно, что-то напугало ее: она громко ржала и вставала на дыбы. Увидев, что ситуация вышла из-под контроля, молодой человек в испуге кинулся к лошади, но она как сумасшедшая носилась из стороны в сторону, мотала головой и дико ржала. На крик в манеж забежал стражник Эми и, мгновенно оценив ситуацию, бесстрашно бросился на взбесившееся животное. Но вот в очередной раз оно встало на дыбы и сбросило напуганную наездницу со спины... Мужчина попытался ее поймать, но не успел... Она рухнула на землю, ударившись головой об ограду.

На шум уже отовсюду к манежу бежали люди. Наконец берейтору удалось ухватиться за уздечку и успокоить строптивую кобылу. Он отвел ее в сторону и привязал к ограде. Только сейчас он увидел, что фаворитка эмира, окруженная людьми, лежит неподвижно на земле, а из-под ее головы медленно вытекает алая кровь и скапливается в лужу...

Уже шестая ночь, а Эми всё еще никак не приходила в себя. Шестая ночь, как Фалах сидел возле кровати любимой, не смыкая глаз, в надежде, что она откроет глаза и узнает его.

Пять дней она билась в агонии: хрупкое тело дрожало, пот стекал ручьями, мгновенно увлажняя простыни, которыми накрывали ее обнаженное тело и которые меняли каждые пять минут... Бредила, стонала, кого-то звала, просила вернуться и снова затихала... Иногда открывала покрасневшие глаза, одними губами что-то шептала, лихорадочно искала кого-то глазами, но никого не узнавала и снова проваливалась в забытие.

В такие минуты Фалах пытался говорить с ней, достучаться до нее, но всё было напрасно: она находилась в сумеречном сознании и была слишком далеко. Он не отлучался от нее ни на секунду, вытирал влажным полотенцем пот с лица и не выпускал ее руки из своей.

Первые трое суток были самыми страшными: она горела как в аду и быстро угасала, не приходя в себя. Удар оказался сильным. К счастью, череп не был поврежден, но были порезы и потеря крови...

Придворный доктор, мужчина уже в преклонном возрасте, с блестящим образованием и многолетней медицинской практикой, неотлучно находился рядом с ней. Он использовал все свои знания, опыт, лекарственные препараты — последние достижения медицины, которые регулярно выписывал из Швейцарии. Видел, что шансы девушки таяли на глазах, но не делал никаких прогнозов: боялся сказать об этом вслух.

— Если она умрет, ты пойдешь следом, — жестко сказал эмир, впившись в него ледяным взглядом, и доктор ни на секунду не сомневался в том, что так и будет. Он и без угроз делал всё что мог, но от него ничего не зависело: пациентка и правда была слишком слаба.

— Аллах велик... Всё в его всемогущих руках. Нам остается только молиться и ждать, — ответил доктор, низко опустив голову и отчетливо осознавая, что и правда оставалось только молиться и надеяться на чудо.

На четвертую ночь наконец ситуация изменилась: ее положение всё еще оставалось тяжелым, но стабильным. Временами жар спадал, она переставала бредить, биться в агонии, дыхание выравнивалось, создавая впечатление, что девушка просто спит.

Доктор надеялся, что молодой крепкий организм не сдастся так легко, будет бороться, используя весь свой потенциал, задействует внутренние силы и выкарабкается. Не было никаких сомнений, что пациентка получила сотрясение мозга, но еще больше его беспокоило другое — ее психическое состояние после того, как она очнется... Конечно, если очнется... Также он не исключал и возможную амнезию, памятуя о том, что она уже теряла память... Он ни в чем не был уверен... Но самой важнейшей задачей, стоявшей перед ним на текущий момент, было отстоять девушку и не дать ей уйти.

На пятую ночь стало очевидным, что девушка сумела выстоять и медленно, но верно шла на поправку. Доктор и две его сестры милосердия наконец легко вздохнули. Все трое дежурили у постели больной с самого первого дня, но если женщинам еще удавалось по очереди поспать, то доктор об этом и не мечтал. И сейчас, когда наконец убедился, что самое страшное осталось позади, он просто вырубился, опустившись в кресло возле кровати больной.

Фалах хотел отправить его к себе отдохнуть, но понял, что его уже не разбудить. Не стал тормошить, просто накрыл пледом и оставил отсыпаться.

А сам остался со своей Аюни: поил ее микстурой из ложки при повышении температуры и водой, когда просила пить... А порой она открывала глаза и смотрела чужим, отстраненным взглядом и пугалась, не узнавая его... И снова он припадал к ней, гладил голову, ласкал лицо и руки, пытался разговорить ее, чтобы вырвать из мрака, привести в чувство, в сознание, успокоить... В надежде, что она узнает его, назовет по имени, позовет... Но напрасно надеялся... Снова ее покрасневшие глаза хаотично шарили вокруг. Усиленно искали кого-то... Снова не его... Снова кого-то отчаянно звала... Снова не его. Дрожащим голосом просила вернуться... Снова не его... и, обессилев, проваливалась в забытие.

Фалах и не сомневался в том, что она звала Салеха, что она всё еще любит его. Если бы только мужчина был уверен в том, что присутствие Салеха сможет ей помочь... хоть самую малость... то, несмотря на бешеную ревность, сжигавшую его изнутри, он не задумываясь привел бы его к ее постели, притащил бы за шкирку, бросил в ее объятия... но умом понимал, что скорее ляжет рядом с ней в могилу, но не уступит, не отдаст ее никому...

И вот уже шестая ночь... Доктор видел, что эмир совсем не отдыхает: днем занят делами государства, а по ночам проводит время возле своей наложницы. Почти неделя без сна и отдыха — врач уже беспокоился, что скоро сам эмир окажется в постели, просил его хоть немного поспать, отдохнуть, но тот даже слышать ни о чем не хотел.

Фалах отправил всех отдыхать, а сам остался с ней. Эми шла на поправку, и он вполне справлялся один. Сидя в кресло возле кровати, он поднес к губам ее обессиленную ладонь, которая казалась почти прозрачной, и смотрел на ее любимое лицо, которое за эти дни побледнело, осунулось, щеки впали, губы потрескались. Но самое главное — что не было жара, что она не бредила и не стонала, а ровное дыхание говорило о том, что она спит...

Он сплел ее пальцы со своими, целовал тыльную сторону ее ладони и с любовью смотрел на нее... Как же он скучал по ней, по ее завораживающим глазам, по чувственным, порочным губам, по голосу, ласкающему слух, по колким фразам, которыми она смело осаждала его... Даже их бесконечные ссоры теперь, когда он чуть не потерял ее, казались ему вполне безобидными и умилительными...

— Девочка моя, — шептал одними губами. — Если любишь, невозможно хотеть только тело женщины, без ее истории, без ее тайны, без всего того, что связано с ней. Тогда это называлось бы просто страстью.

А он ее любил, и любил всю без остатка, со всем, что в ней было... И каким бы манким и соблазнительным ни было ее тело, способное одним легким движением помутить его рассудок, всё равно оно играло не самую главную скрипку в его чувствах к ней... Он так долго внушал ей, что только ее тело представляло для него интерес, что она и сама поверила в это. Но незачем было ее разубеждать... Зачем выглядеть в ее глазах романтичным идиотом?

Она заметно отличалась от всех женщин, с которыми ему приходилось сталкиваться в жизни, и он, как всегда делая всё по-своему, никак не мог понять, почему у него ничего не получалось с ней. Ничего не мог с ней угадать наперед... всё, что ни делал, всё оказывалось невпопад, и она еще больше закрывалась от него... оставалась недостижимой... Видел, что они не понимают друг друга, что находятся на разных полюсах, что им надо поговорить, узнать друг друга лучше, но вот поговорить как раз и не получалось... наверное, потому что не был готов услышать ее... А может быть, уделял ей мало времени и внимания.

Привыкший целиком посвящать себя делам государства, еще с юности он рано вставал и после чашки тонизирующей кахвы (араб. кофе) отправлялся в свой большой рабочий кабинет, который располагался на том же этаже рядом с его спальней, и принимался за дела. Там он встречался со своими советниками, должностными лицами, принимал посетителей, работал... а по ночам расслаблялся, снимал стресс — когда с одной наложницей, когда с несколькими сразу, которым было за счастье оказаться в его постели, получить порцию его внимания и которые были готовы в любое время дня и ночи принять его... Он никогда не церемонился с ними, не задумывался об их чувствах и желаниях — не было в этом необходимости... было незачем... это их святая обязанность — посвящать себя своему господину и хозяину, предугадывать любое его желание и исполнять его... Откупался от них драгоценными побрякушками и нарядами... и все были довольны и счастливы... Так было всегда, и ничего он не собирался менять...

Эми никак не вписывалась, вернее, не хотела вписываться в его привычный, налаженный уклад жизни... С ней всё было по-другому. А в тот ужасный день, оказавшись свидетелем ее истерики, он понял, что она находится на грани, еще немного — и ее нервы сдадут... Она нуждалась в простом человеческом тепле и внимании, которых не получала от него, потому что внутренне отгородилась, отталкивала его, не подпускала к себе... Его миропорядок по отно-

шению к ней дал сбой... Он решил посвящать ей больше времени, дать возможность приоткрыться, привыкнуть к себе, и потому в тот день остался с ней, собираясь провести весь день вдвоем...

С самого утра всё шло замечательно, даже лучше, чем он ожидал... а потом всё пошло как обычно... Хотя в глубине души он был благодарен ей за то, что там, в конюшне, она высказала всё, что беспокоило ее и что она так долго держала в себе. Наконец ему стала понятна ее бурная реакция на его подарки и его действия по отношению к ней. Всё стало на свои места, пазл сложился... Эми права: он и правда ее душил... душил своей одержимостью ею, своей неумной страстью, бешеным напором, дикой жадой обладания ею... Слишком ее любил и не замечал этого...

Фалаху тяжело далось решение сделать паузу в их отношениях. Она была ему нужна как воздух — видеть ее, говорить с ней, прикасаться, да, черт возьми, просто брать ее раз за разом всю ночь, а лучше вообще не выходить из нее... От нахлынувших чувств рука, державшая ее ладонь, резко сжалась. Эми как будто вздрогнула... он мгновенно впился в ее лицо в надежде, что она придет в себя... к сожалению, только показалось...

То, что было между ними, нельзя назвать отношениями, так не могло продолжаться больше, нужно срочно что-то менять... Он дал ей время отдохнуть от себя, отдышаться, привести свои мысли в порядок... Ему тоже это было необходимо, чтобы решить, как им жить дальше и в каком направлении двигаться.

Вспомнив ее в ту ночь, как она смотрела на него в постели с другой женщиной, он усмехнулся... А ведь это задело ее... очень задело... Никакого холодного равнодушия в глазах, которым обычно одаривала его... Наоборот: жгучий коктейль из злости, ревности, ненависти, уязвленного самолюбия и оскорбленной добродетели...

К счастью для себя, Эми не успела тогда увидеть ничего непристойного — во всяком случае, больше того, что он проделывал с ней: всего лишь обычный минет... а всё захватывающее было после... Но ей незачем видеть его ночные развлечения, потому и запер дверь, ведущую к ней.

Несмотря ни на что, он знал о каждом ее шаге, каждом вздохе, каждом взгляде, знал о ней практически всё, кроме того, что творилось в ее голове... но теперь и это перестало быть тайной для него... Ее мысли, так же как и сердце, всё еще были заняты другим мужчиной... Даже находясь между жизнью и смертью, она искала Салеха, звала, просила вернуться, а о нем даже не вспомнила...

Ревность душила, разрушала его изнутри, отравляла жизнь, но, как бы ни было трудно, он держал себя в руках, не давая ей выбраться наружу: знал, что иначе потеряет над собой контроль... Сейчас не об этом надо было думать. Эми всё еще находилась в беспомощности. Самое главное — чтобы она очнулась, пришла в себя и выздоровела... а со всем остальным он будет бороться после...

Была глубокая ночь. Никаких звуков извне, никаких шумов — как будто всё замерло, только сквозь открытое окно едва ощутимое дыхание ночи касалось легких штор... Хафрак

спал крепким сном. В комнате царил легкий полумрак, чтобы свет не тревожил девушку, лежавшую в забыты.

Когда-то, много лет назад, в такую же тихую, спокойную ночь, точно так же, как сейчас он, его отец, бывший эмир Хафрака, сидел у постели тяжелобольной жены, его матери, и мысленно просил Всевышнего сохранить ей жизнь. Она тяжело рожала, но после того как родила крупного здорового мальчика, которого назвали Салехом, тяжело болела и много дней не приходила в сознание.

Фалаху тогда едва исполнилось восемь лет. Еще совсем мальчишка, он просился к маме, скучал по ней, но его не пускали к ней, говорили, что мама спит и просила ее не беспокоить. Тогда ночью тайком он прокрался к маминой спальне, чтобы хотя бы со стороны посмотреть на нее. Шагнув на цыпочках к слегка приоткрытой двери и заглянув внутрь, мальчик замер от неожиданности. Возле ее кровати сидел отец... Всегда строгий, властный, жесткого нрава, которого побаивались все придворные и который даже по отношению к маме, казалось, был всегда сухим и черствым, в ту ночь выглядел совсем несчастным и потерянным.

Мальчик никогда его не видел таким. Мама неподвижно лежала с закрытыми глазами, а он смотрел на нее с каким-то совсем ему не свойственным теплом и заботой и что-то тихо шептал... гладил ее лицо и целовал руку, практически не выпуская ее из своей ладони. Казалось, что они были где-то очень далеко, в своем, только им одним известном мире, и мысленно общались друг с другом. Эта картина вызвала растерянность и замешательство в душе восьмилетнего ребенка, впервые видевшего своего отца не лишенным простых человеческих качеств, заставила увидеть его в совершенно другом, в новом для себя свете и навсегда сохранилась в его памяти.

Мальчик долго стоял в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу, но так и не решился войти и осторожно, чтобы остаться незамеченным, так же на цыпочках вернулся в свою комнату. Фалах никогда и никому не говорил об этом, потому что знал: отец всю жизнь стыдился своих чувств к маме и скрывал их от всех. Потому и приходил навестить больную жену только глубокой ночью, когда все спали, будучи уверенным в том, что никто не узнает об этом...

Шейх Фахд искренне считал, что любовь к женщине — это нездоровая слабость, болезнь, ахиллесова пята настоящего мужчины, делающая его зависимым и унижающая его достоинство... Был уверен, что эта слабость может ударить по его авторитету в народе и разрушить созданный им же самим образ железного правителя и мужчины. Даже в тот ужасный день, когда шейха Фатма рассказала своему старшему сыну об этом, он промолчал, потому что считал, что это их тайна, тайна двух любящих сердец, и она должна была навсегда остаться с ними...

В отличие от отца, он не комплексовал по поводу своих чувств, не скрывал своего особого отношения к фаворитке и не стыдился того, что ночи напролет проводит возле постели любимой женщины.

Эми проснулась и открыла глаза. В комнате был легкий полумрак и тишина, за открытым окном — темнота... Значит, сейчас ночь. В теле ощущалась легкая усталость, возможно, сон еще не совсем ее отпустил... Казалось, что не было сил даже пошевелить рукой... Появилось

странное ощущение, что она очень долго спала... Хотелось растянуться в полную силу, чтобы захрустели все кости и суставы, но почему-то сил не оказалось даже на это... Скользнула взглядом по комнате и вдруг мгновенно проснулась... Рядом возле кровати, сидя в кресле, спал Фалах. Держал ее руку в своей, пальцы сплелись... Сон сняло как рукой.

Девушка засмотрелась на него, широко улыбаясь. Всегда с иголки одетый, благоухающий роскошными ароматами, с аккуратной бородкой — эмир сейчас почему-то выглядел совсем изможденным, осунувшимся: обросшая, торчащая борода, взлохмаченные волосы, впалые щеки... Никогда раньше не видела его таким заброшенным и неухоженным... Почему-то вдруг так захотелось его согреть, обласкать, прижать к груди, запустить пальцами в его черные, уже заметно обросшие, с легкими завитками волосы и пригладить их... Глаза внимательно всматривались в знакомые черты. Даже легкая неухоженность не портила его мужественного лица, наоборот — подчеркивала брутальность. Она всё еще широко улыбалась, разглядывая его, когда вдруг тревожные непонятные мысли закрались в душу.

Почему он спит в кресле, не на кровати? Что происходит? Почему он одетый? Он ведь правда какой-то замученный, изможденный. Что с ним? Может, он болен? Может, ему помощь нужна? Попыталась позвать его, назвать по имени, но губы совсем не слушались... Крикнула — но пересохшее горло выдавало только слабый хрип. Силы стали быстро покидать ее, наваливалась усталость... Ватное, безвольное тело стало совсем как чужое... Попыталась потянуться к нему, сжать его пальцы своими, но уже ничего не смогла. Постепенно темнело в глазах, стирались очертания мужчины... Комната неторопливо поплыла, как и все предметы вокруг, окружающие ее... а потом она снова погрузилась во тьму.

Фалах вздрогнул и проснулся. Он и не заметил, как заснул — сказывалась бессонная неделя. Ему показалось сквозь сон, что кто-то позвал его, но в комнате стояла тишина. Эми всё так же неподвижно лежала и спала... Ничего не изменилось, всё было как прежде... Их руки всё еще со сплетенными пальцами лежали на кровати... Улыбнувшись, он притянул к себе ее руку и мягко прижал пальцы к губам...

К счастью, как сказал доктор, молодой организм оказался сильнее недуга и взял в итоге верх над ним. «Очень скоро она должна прийти в себя. Наберитесь немного терпения и ждите». Он хорошо помнил его слова:

«Девушке повезло: Вы всё время находитесь рядом, держите за руку, говорите с ней. Даже находясь в бессознательном состоянии, она чувствует вашу поддержку, тепло, заботу. Любовь сильнее любых медицинских препаратов, она даже сильнее самого человека. Всевышний нам ее послал не только для излечения наших душ, но иногда и наших бранных тел. Она ведь не просто зовет Вас — она зовет, потому что любит, и эта любовь в ее сердце... и Ваша, которую Вы дарите ей, не отходя от нее ни на шаг, возможно, и сыграла важную, я бы даже сказал, решающую роль в ее улучшении... Я не знаю, Ваше величество, смог ли я внятно объяснить свою мысль, но еще раз повторяю: велика вероятность того, что в ее случае любовь сыграла немаловажную роль...»

С трудом держал себя в руках, чтобы не заткнуть его, чтобы не трепался о вещах, о которых ни черта не смыслит... «Если бы только он знал, кого она тут звала всю неделю», — зло пронеслось в его голове. И любовь к кому греет ее сердце... Тогда не стал бы тут разглагольствовать как идиот про любовь и чудесное исцеление.

Рано утром, перед тем как покинуть Эми, оставив ее на попечении доктора и сестры милосердия, Фалах долго смотрел на нее, потом нежно прошелся пальцами по лицу, поцеловал в губы и ушел. А уже днем ему сообщили, что Эми пришла в сознание и чувствует себя хорошо.

Проснувшись и придя в себя, единственными желаниями девушки было поесть и помыться. Но, встав с постели, она очень быстро поняла, что помыться сразу не получится: вначале надо поесть. Организм был слишком слаб и нуждался в подкреплении. После тщательного обследования доктор подтвердил, что состояние пациентки удовлетворительное, ее жизни и здоровью ничего не угрожает. Единственное, что от нее требуется, — это побольше отдыхать, есть и избегать стрессов. А уже после служанки помогли ей умыться и принесли поесть.

Уже с полчаса Эми блаженствовала в ванне с теплой водой — вымытая, вычищенная, благоухающая роскошными ароматами мыла и ароматическими маслами, разбавленными в воде. Закрыв глаза, она наслаждалась чистотой, спокойствием, приятными ощущениями и медленно возвращалась к жизни... По мере того как память услужливо возвращала ее назад, в тот злополучный день, когда по собственной глупости она чуть не лишилась жизни, и восстанавливала в памяти все события, предшествовавшие ему, настроение ее падало и падало, пока совсем не испортилось от неприятных воспоминаний. Физическое состояние ее здоровья оказалось куда лучше душевного.

«Восторженная дура», — почему-то сразу пришло на ум, когда вспомнила, как радовалась ночью, проснувшись и увидев Фалаха спящим в кресле... Тогда еще не помнила, что уже не нужна ему, что игрушкой пресытились и теперь от нее очень быстро избавятся, отправив в далекий чулан под названием Аль-Шамия... Там покоится всё старье, отслужившее свое и надоевшее своему непостоянному хозяину... Ей выделяют место на полке, в самом дальнем углу, запихнут туда и благополучно забудут, как забыли и обо всех других бывших в употреблении у могущественного эмира Хафрака игрушках, безвозвратно осевших на старых полках и покрытых толстым слоем пыли и песка...

А в эту комнату торжественно войдет другая, с высоко поднятой головой... Новая фаворитка эмира... Хмм... «Новая фаворитка эмира», — медленно прошептали губы... Фраза больно хлестнула как саблей, прошла по самому больному... В отличие от самой Эмилии, которая до последнего боролась против этого статуса, мулатка знала, чего хочет. Она стремилась к этому и наконец добилась своего, и теперь вцепится в него всем, чем можно и нельзя, и будет делать всё, чтобы только не выпустить его из своих клещей...

Она старалась не думать об этом, но не думать не получалось. О чем бы ни задумывалась, все мысли в итоге возвращались к этому... «Бедные, наверное, их надо пожалеть — она заставила их мучиться... Если бы не она со своей болезнью, то, возможно, они уже давно воссоединились бы в этой комнате...»

Вода уже остыла и не приносила больше того удовольствия, от которого млела еще совсем недавно. На душе было тоскливо и совсем не радостно... Чувствуя, что зябнет, Эми решила выйти. Наконец из воды, открыла глаза и пошарила вокруг в поисках полотенца и вздрогнула от неожиданности... Фалах, улыбаясь, стоял рядом, обросший, взлохмаченный, но такой любимый, а в черных дьявольских глазах, пожиравших ее, полыхал пожар.

— Фалах... — только и успела выдохнуть негромко девушка, но он уже ничего не слышал.

— Аюни... — как и был, в кандуре, только успел скинуть с головы куфию, просунул руки в воду, поднял Эми на руки и с силой прижал к себе. Вода ручьями стекала с нее, с него, текла по кандуре, стекала на пол. Он уже был весь мокрый и страстно целовал ее, не в силах остановиться, отдышаться, перевести дыхание ни на секунду...

— Девочка моя... вернулась... — шептал ей прямо в губы, не отрываясь от них, больно кусая, не замечая от возбуждения, что делает ей больно, не замечая ничего вокруг. Они стоят в центре ванной, не в силах разжать объятий, вода стекала с мокрых волос на влажные лица, на мокрые тела, всё кругом в воде...

Фалах хотел дать ей несколько дней прийти в себя. Чтобы окрепла, отдохнула, набралась сил. Его с трудом хватило на пару дней. Через два дня он ворвался к ней, и никакая сила его бы не остановила.

В ее истерзанной душе бушевали все силы природы: от легких, светлых, жизнеутверждающих до темных, мрачных, разрушительных стихий. Всё клокотало и гремело, больно терзало душу, рвало на части... Всё так же, как и в ее зигзагом изломанной жизни...

Всё произошло слишком стремительно, почти незаметно для неё самой. Тонкая грань между лютой ненавистью и всепоглощающей любовью, между отторжением и безумным влечением стерлась так внезапно, что она не успела защитить свое сердце. Как это могло случиться? Обрушившиеся на неё чувства пугали своей новизной и силой; она оказалась совершенно не готова к такому пожару и теперь просто не знала, что делать с этой стихией.

Огонь стремительно разгорался, превращаясь в неистовый костер, в котором уже пылала её душа. Эми жаждала его любви с такой же отчаянной страстью, с какой еще недавно мечтала о побеге. Ей хотелось довериться этим сильным рукам, раствориться в его теле — но уже не в роли покорной, безжизненной куклы, какой она притворялась в его постели с самого начала. Теперь она хотела дышать с ним в один такт, упиваться этой близостью, отдавая и принимая страсть во всей её полноте. Еще вчера она всё бы отдала ради этого шага навстречу... но не теперь, когда всё так жестоко изменилось.

Чего он ждал от неё сейчас? Вероятно, решил напоследок развлечься с фавориткой, которая уже успела ему наскучить — устроить финальный аккорд перед неизбежным расставанием. А завтра в этой же роскошной постели он будет предаваться безумству с новой пассией. Грустный, затуманенный слезами взгляд на мгновение задержался на его идеальном лице.

«Как скажешь, мой господин... Пусть это станет последним отголоском моей покорности. Моим безмолвным "прощай"».

Фалах видел, в каком смятении находилась Эми. Всю эту неделю на его глазах она отчаянно и прерывисто звала Салеха, словно искала в нем спасение. Кто знает, уступи он тогда её безмолвной мольбе, возможно, ей сразу стало бы легче. И теперь эта неизбывная, горькая тоска отражалась в её глазах — а может, она была просто слишком слаба, чтобы вновь надеть привычную маску равнодушия.

Но чем дольше он всматривался в глубину этих пленительных глаз, в любимые черты, тем отчетливее понимал: он ни за что не уступит её другому. Никогда и никому. Что бы с ней ни случилось, он сам исцелит её раны, но не позволит ни Салеху, ни всему миру приблизиться к его сокровищу.

Уже третью неделю он по собственной воле томился вдали от неё, медленно сходя с ума от жажды. Он мучил других наложниц, которые из кожи вон лезли, чтобы ублажить, успокоить и подчинить его своей ласке, но ни одной это так и не удалось. Его голод был далек от обычного плотского желания — он нуждался именно в ней. Только её он хотел осязать ночи напролет, только о ней думал. Лишь эта строптивая пленница могла подарить тот абсолютный покой, в котором отчаянно нуждалось не только его изголодавшееся тело, но и его властная, гордая душа.

И сегодня, добравшись наконец до своей единственной слабости, он был полон решимости заполнить её собой целиком. Физически и ментально, не оставляя в её мыслях и теле ни единой свободной клеточки для кого-то другого. Он собирался вернуть её к жизни, пробудить спящую чувственность, вырвать искренние эмоции. Ему до боли хотелось увидеть на этом прекрасном лице жажду и упоение страстью вместо ледяного отстранения, которое она обычно демонстрировала.

Его губы покрывали исступленными поцелуями её шею, плечи, изгиб спины. Кожа Эми буквально горела под этими ласками, отзываясь влажным, горячим румянцем. Ненасытные руки и жадные губы властвовали повсюду: скользили вдоль соблазнительных линий, очерчивали трепетные изгибы, проникая в самые потаенные, сокровенные уголки её тела. Его пальцы настойчиво и нежно ласкали её в самом средоточии желания, стремясь пробудить ответный отклик, но от этой лавины ощущений она лишь сильнее уходила в себя, словно испуганная улитка, прячущаяся в раковину.

«А вот здесь ты не угадала, девочка...» — промелькнуло в его мыслях. Он не позволит ей сегодня скрыться за броней ледяной недоступности и запретить свою душу на замок.

— Нет... Черт возьми... Не так... Открой глаза... Эми, — зажав ее лицо ладонями и впившись в нее, почти приказал он. — Посмотри на меня... Ты слышишь? Открой наконец глаза...

Нет... Она не хотела его видеть. Не хотела слышать. Она вообще была бы счастлива никогда в жизни его не знать. Открыть глаза, чтобы навсегда запомнить его таким — красивым, неистовым, сильным? Зачем? Чтобы грядущее расставание полоснуло по живому ещё больнее? Чтобы лишиться себя последней надежды забыть его? Чтобы до конца дней мучиться от призраков воспоминаний? Нет... Ни за что.

Лучше сохранить в памяти образ врага — жестокого, нелюбимого... того, из прошлого, которого она когда-то была готова убить. Так будет легче. Куда легче засыпать в одиночестве, баюкая в груди спасительную ненависть. Просыпаться на рассвете и ненавидеть его. Дышать этой ненавистью, сделать её своим воздухом. Только так можно соткать хрупкую иллюзию свободы, иллюзию самодостаточности и нелюбви, чтобы отыскать в себе силы жить дальше. Без него.

Его дыхание становилось всё более частым и рваным. Огонь внутри него требовал выхода, сдерживать неистовый натиск желаний с каждой секундой оказывалось всё труднее.

— Девочка моя... Отчего ты так напряжена? Что с тобой? — хрипло прошептал он ей в самое ухо, остро ощущая её внутреннее сопротивление. — Ты всё ещё боишься меня? Скажи хоть слово...

Она была обжигающе горячей, но её тело, скованное глухой защитой, по-прежнему отказывалось подчиняться страсти, оставаясь неприступным.

— Делай что хочешь, Фалах... Только прошу тебя, молчи. Пожалуйста, не говори ничего... Я не вынесу твоих слов, — едва слышно выдохнула девушка, крепче зажмурив глаза.

— Я сказал: посмотри на меня, — властно потребовал он. — Чёрт возьми, Эми... Не заставляй меня применять силу. Сегодня всё будет иначе. Оставь то, что было, в прошлом. Забудь.

— А может, я сама уже в прошлом, просто ещё не знаю об этом? — в её глазах, когда она распахнула их, на мгновение полыхнула яростная, злая искра.

— Наконец-то... Хоть какая-то эмоция, — тут же отозвался он, жадно ловя этот отклик.

Она подняла на него взгляд, полный такой бездонной тоски, что у него перехватило дыхание. Он не стал ничего отрицать — значит, она права. Значит, её действительно вычеркнули. Единственное, чего сейчас отчаянно желал её измученный разум, — уснуть, исчезнуть, умереть... Проснуться где угодно, пусть даже в затерянных песках Аль-Шамии, только бы подальше отсюда. С каждой минутой, проведённой в его объятиях, она чувствовала, как этот мужчина прорастает в её сердце, захватывает его сантиметр за сантиметром, даря обманчивую надежду и делая неизбежный разрыв лишь более мучительным.

— Твои преграды — вот здесь и здесь, — он бережно коснулся ладонью её груди, туда, где испуганной птицей билось сердце, а затем провёл пальцами по её виску. — Страх и навязанная обида разрушают тебя, твой разум отторгает меня. Ты соткала вокруг себя кокон и не желаешь сделать шаг навстречу. Забудь о том, кто Я... Забудь обо всём, что произошло между нами. Расслабься, отпусти свой контроль и просто доверься ощущениям... У тебя получится. Я знаю.

Девушка смолчала, умирая от внутренней боли. Какая тонкая, изощрённая кара! Похоже, напоследок он твёрдо вознамерился зажечь пожар в её теле. Заставить её потерять рассудок от желания, испепелить дотла. Вознести на недостижимую вершину блаженства, от которого она так долго и упрямо закрывалась ледяной пустотой, а после — безжалостно столкнуть в бездонную пропасть. Он хотел показать ей, чего она лишается. Хотел заставить её прочувствовать всю ту муку и унижение, которые испытывал сам, когда она ранила его своим холодным равнодушием и отвергала каждый шаг навстречу...

Эми всеми силами пыталась абстрагироваться от его обжигающих ласк, от этой сокрушительной мужской силы и напора. Ей отчаянно хотелось выключить разум, слух, зрение — заставить замолчать все чувства, чтобы защитить израненное сердце от неизбежной, неминуемой боли расставания... Но неистребимое, отчаянное желание напоследок сгореть в пламени его страсти, познать всю его мощь и сойти с ума в этих объятиях оказалось сильнее. Внутрен-

ние барьеры, которые она скрупулёзно возводила с первого дня их встречи, рухнули, увлекая её в головокружительный омут. Пусть потом будет боль. Пусть сердце разобьётся в осколки, а душа — в клочья. Пусть наступит оглушающее отчаяние. Всё, что случится завтра, потеряло значение. Существовало только бесконечное «сейчас», и это была единственная реальность.

Припав к её губам в требовательном поцелуе, Фалах почувствовал, как сперва робко, едва ощутимо она ответила на его ласку. Но уже через мгновение её руки взлетели, обвивая его шею, и она отозвалась на поцелуй со всей накопленной жаждой. Наконец-то... Сумрак комнаты прорезал его глухой, торжествующий стон.

Каждое прикосновение, каждое мимолётное движение рождало в ней незнакомые, пугающе прекрасные ощущения, зарождаая в самой глубине тела волну тепла, которая стремительно разливалась по венам.

Коснувшись губами трепетной ямки между ключицами, оставляя на нежной коже жар своего дыхания, он спускался всё ниже. Словно компенсируя долгие недели разлуки, он бережно и жадно ласкал её упругую грудь, возвращая в памяти любимый вкус, а затем его поцелуи проложили огненный след вдоль живота, добираясь до самого средоточия её женственности.

Медленно, не торопясь, упиваясь каждой секундой своего триумфа, он коснулся лаской её пульсирующего, истомлённого лона, и в ту же секунду из её груди вырвался протяжный, утробный стон. Фалах поднял на неё глаза и довольно улыбнулся перемене: тени прошлого больше не омрачали прекрасного лица, а в полуприкрытых глазах полыхал ослепительный блеск.

— Сладкая моя, — прошептал он, пьянея от её близости. — Такая горячая, манкая... Хочу тебя. Всю, без остатка...

Его руки и губы властвовали повсюду. Каждое прикосновение вздымало новую волну, накрывая её с головой. В этот вечер вселенная сжалась до размеров этой постели, сосредоточившись на нём одном: на его хриплом дыхании, властных руках и сокрушительных ласках, которые она познавала впервые в жизни. Всё её существо горело, словно внутри бушевал лесной пожар.

Внизу живота сосредоточилось нечто невероятное — горячий, требовательный пульс посылал миллионы сладких импульсов во все клеточки тела. Он точно знал, что делал. Своей изошрённой, уверенной лаской он довёл её до состояния, когда разум окончательно капитулировал, уступая место чистой стихии. Стыд, неловкость, условности прежней жизни — всё это сгорело без следа. Когда его пальцы настойчиво заскользили в самом нежном, обнажённом центре её желания, Эми задохнулась от сладкой истомы, на мгновение теряя связь с миром. Её тело, влажное от истомы, полностью сдалось, жажда лишь одного — принять его в себя. И в следующее мгновение он вошёл — сильным, уверенным толчком.

— Аюни... Девочка моя... — его низкий голос будоражил кровь. — Какая же ты сладкая, Эми...

Он хрипло шептал эти слова ей в губы, чувствуя, как её податливое тело тесно, до боли обнимает его изголодавшуюся плоть. Намертво зажав её бёдра ладонями, оставляя на коже темнеющие следы от пальцев, он погружался в неё всё глубже и глубже.

Наслаждаясь этим мгновением, которого он жаждал с их самой первой встречи, Фалах зарычал от нахлынувших чувств. Он грубо, иступлённо впился в её припухшие губы, не в силах насытиться. Перед его глазами плавно проплывали картины прошлого: хрупкая девушка под окнами торгпредства, смотрящая на него с немой мольбой... И снова она же — в мокром белом платье в горошек, сводящая его с ума своей недоступностью.

С первой минуты эта женщина завладела его сознанием. Пробралась под кожу, как острая заноза — как шип ядовитого пустынного кустарника, который вонзается глубоко в плоть, и если не вырвать его вовремя, медленно отравляет кровь, подчиняя себе весь организм. Она проникла в его душу, расцарапав её до крови своей открытой ненавистью, горечь которой он ещё помнил на своих губах. Экзотический цветок, не похожий ни на кого из тех, кого он знал прежде... Единственная, на чьё появление его мужское естество отзывалось безумным, первобытным инстинктом.

Холодная, покорная кукла, которой она притворялась раньше, не могла заполнить бездонную пустоту в его сердце. Ему было мало её великолепного тела — Фалах искал её душу. Её чувства, её страсть, её мысли. Он любил её так, как никого и никогда не любил, и отчаянно требовал взаимности.

Ему хотелось сжимать её в объятиях, смотреть в эти затуманенные страстью глаза, чувствовать, как её гибкое тело извивается под ним в неистовом ритме, и любить её этими жаркими восточными ночами напролёт. Любить до безумия, как в последний раз, чтобы уже никогда не разжимать рук.

— Отпусти контроль... Доверься мне, — выдыхал он, едва касаясь её полураскрытых губ.

Движения его становились всё резче, глубже, темп стремительно ускорялся. Он чувствовал её каждой клеточкой, ловил каждый прерывистый вздох, делая всё, чтобы первый настоящий триумф чувств в её жизни остался в памяти навсегда. Поняв, что она находится на самом краю, Фалах перешёл на мощный, неистовый ритм, вознося её к вершинам, о существовании которых она даже не догадывалась.

Это было сродни ослепительному взрыву, который внезапно разорвал реальность, отключил сознание и разбросал её пылающее существо на миллионы осколков. Маленькая, прекрасная смерть.

Лишь спустя время, когда её разгорячённое тело бессильно опустилось на смятый шёлк простыней, очертания комнаты начали медленно возвращаться. Прояснился разум, и разрозненные осколки её «я» воссоздавались заново. Но это была уже не прежняя Эми — скованная условностями воспитания и ледяным отстранением. Перед ним лежала совершенно другая женщина: раскованная, чувственная, познавшая магию собственного тела и вкусившая запретный плод истинного блаженства.

Эми отчётливо понимала: только сейчас она по-настоящему переступила этот рубеж. Не в ту роковую ночь, когда лишилась невинности, а именно теперь. Женщина — это не просто

физическое тело. Это нечто несоизмеримо большее, глубокое, духовное и полное противоречий, что ей ещё только предстояло открывать в себе всю оставшуюся жизнь.

— Меня не будет дня три... Надеюсь, ты будешь скучать по мне, Аюни. — Фалах полулежал на подушках, в руке лежала ладонь Эми. Он играл с ее пальцами, то пропуская между своих пальцев, то сплетаясь с ними.

— Ты куда-то собрался? — она лежала на кровати, положив голову ему на живот.

— Да... на охоту. — Вторая рука по-хозяйски лежала на ее груди и поглаживала ее.

— Когда? — резко подняла на него глаза.

— Мне уже пора.

— Сейчас? — переспросила от неожиданности.

— Да... — с сожалением произнес он, тяжело вздохнув. Он не хотел расставаться с ней ни на секунду, но ему было необходимо вырваться из дворца, освежить голову и обдумать кое-какие важные дела, требующие серьезного решения.

— Ты не говорил, что собираешься куда-то, — растерянно произнесла девушка.

— Ну вот... говорю сейчас...

— Не мог сказать заранее?

— Не успел, — едва заметно улыбнулся. Она сейчас выглядела как ворчливая ревнивая жена, подозревающая мужа в измене... но ему было приятно, что она интересуется его делами.

— Что значит — не успел? Фалах, ты всю ночь провел со мной и не успел сказать мне об этом?

— Ночью мы были заняты делами более интересными, чем разговоры об отъезде.

— А может, всё-таки ты не посчитал нужным сказать?

— Какая разница, Эми?

— Как какая? Тебя не будет несколько дней, и ты мне прямо перед уходом говоришь об этом? Хотя знаешь, возможно, ты и прав, разницы никакой... Да и меня не очень волнует твое времяпрепровождение...

Он сразу почувствовал, что в ней что-то изменилось: то ли она обижалась, то ли злилась, как будто хотела задеть его, сделать больно. Хотя, как ему казалось, она будет только рада

отдохнуть от него. Несмотря на то что в сексе у них всё было на высоте — уже с первых секунд она заводилась, мокрая и горячая с удовольствием принимала его, кончала бурно и громко, было видно, что они идеально подходили друг другу в постели и физическая близость доставляла ей ни с чем не сравнимое удовольствие, — девушка никогда не проявляла инициативы, не говорила об этом вслух, не демонстрировала своей страсти, своих желаний... А он мечтал о том, чтобы Эми сама его жаждала, искала близости с ним, чтобы сама позвала его, а еще лучше — взяла инициативу в свои руки и пришла к нему, и повела его в мир своих страстей...

— А ты будешь скучать по мне? — с иронией спросил он, усмехнувшись, хотя был совершенно серьезен и в глубине души хотел услышать утвердительный ответ.

— Нет... Не буду... А тебе не всё равно? — она заставила себя улыбнуться, чтобы стереть самодовольную ухмылку с его лица, и уже собиралась спуститься с кровати, но он успел поймать ее за руку и быстро притянул к себе.

— Что с тобой? Ты на что-то обижена? — он посадил ее к себе на колени и заставил смотреть на себя.

— Ну что ты? Тебе показалось... На что мне обижаться? Я буду только рада отдохнуть немного и выспаться.

— С тобой и правда всё в порядке?

— Конечно... Иди... Тебя ждут.

— Я же вижу, с тобой что-то происходит.

Не видеть его несколько дней, не слышать голоса, не ощущать по ночам его собственнических рук на себе, по-хозяйски прижимающих ее к своему крепкому телу, его опьяняющих поцелуев, огненной страсти, жарких чувственных ласк, даримых ей каждую ночь... даже мысль об этом была для нее нестерпимой мукой. Но как сказать об этом вслух? Ведь весь этот новый мир, имеющий для нее такое важное значение, для него не значил ровным счетом ничего и вмещался в одно-единственное, ничего не значащее, но емкое и понятное слово «секс»...

Для молодого, горячего, здорового мужчины это всего лишь разрядка, антистресс, физическая необходимость, и ничего более... Зачем ему знать о ее чувствах, о том, что он нужен ей, что она не представляет и минуты жизни без него? Чтобы тешил свое самолюбие, зная о том, что теперь он обладает не только ее телом, но и душой? Что с каждым новым толчком во время горячего секса ночи напролет входит не только в ее лоно, но и в ее истерзанное сердце? «Нет, Фалах, тебе никогда не испытать этого пьянящего ощущения полной победы над ней...» Хотя на что ему ее чувства — он никогда не скрывал, что его интересует только секс...

— Не волнуйся, за три дня с моим телом ничего не случится, тебя ведь только это волнует? — это была не просто женская драма для достижения каких-то целей... Как бы Эми ни старалась скрыть свои чувства, в голосе сквозила обида, и он это чувствовал...

— Аюни, девочка моя... Что ты такое говоришь? — мягко прижал ее к груди, нежно пригладил волосы за ухо и с любовью смотрел на ее слегка покрасневшееся лицо. Эмир никогда

и ни перед кем не отчитывался, привык всех ставить перед фактом, и его решения не обсуждались, поэтому реакция Эми его обескуражила. — Я не знал, что это так важно для тебя.

— Важно? Ха-ха... — театрально усмехнулась девушка. — Совсем нет, тебе показалось... Ладно, иди, тебе уже пора... — Она попыталась встать, но оставить ее в таком состоянии и уйти он не мог. С другой стороны, ему нравилось, что ей не безразличен его отъезд.

— Но вначале я должен быть уверен, что с тобой всё хорошо и ты меня простила, — проговорил негромко, сверкая глазами. Их голые тела, прижатые друг к другу, сделали свое дело: он уже скучал по ней, и, как оказалось, его тело тоже. — Иди ко мне.

Не успела она опомниться, как он вновь увлек её за собой, прижав к постели и подчиняя своей властной силе. Хрипло выдыхая её имя, Фалах покрывал нежную кожу девушки исступлёнными поцелуями, и в ту же секунду по её телу пробежала волна сладостной дрожи. Его непреклонный напор и бушующая страсть словно вернули её к жизни, вливая новые силы. Обиды, недавние обвинения и горькие упрёки — всё это растаяло без следа, стоило ей довериться этим сильным, ставшим такими близкими рукам. Она упивалась ощущением его крепкого, горячего тела, растворяясь в том незабываемом блаженстве, которое он умел дарить с такой щедростью.

Он всё ещё оставался внутри неё, когда, тяжело и шумно дыша ей в самое ухо и не разжимая объятий, глухо произнёс:

— Ты обжигающе сладкая... Но мне пора идти.

Вместо ответа Эми лишь крепче обвила руками его шею и посмотрела в его глаза — призывно, с немой мольбой, безмолвно умоляя продлить эти ускользающие мгновения.

— Уже?

— Уже давно, — выдохнул шумно и сладко потерся щекой о ее щеку.

— Возьми меня с собой, — прошептала негромко, стараясь не показывать своих чувств.

— Куда? На охоту? — он приподнялся, уперся локтями в постель и скалой навис над ней.

— Называй это как хочешь... На охоту, на прогулку, в пустыню за впечатлениями.

— Ты хоть понимаешь, о чем ты просишь? — он с удивлением и с умилением смотрел на нее сверху вниз.

— Понимаю.

— Нет, ты не понимаешь... Вот скажи мне, зачем тебе это? Что делать женщине на охоте?

— Я знаю парфорсную охоту с гончими собаками в Англии, но понятия не имею, что значит соколиная охота... — Всё еще обнимая одной рукой, вторую запустила в его волосы и стала нежно поглаживать. — И вообще, не понимаю, на кого охотиться в пустыне. Помню во время переходов иной раз за весь день ни одной живой души на всем горизонте...

Он громко рассмеялся, похлопал девушку по бедру и встал с кровати... и, не теряя времени, быстро отправился в ванную. Спустя совсем немного времени вернулся в комнату, демонстрируя красивое мускулистое тело, которого не портили глубокие зарубцевавшиеся шрамы — наоборот, придавали мужественности и притягивали взгляд. Иногда Эми украдкой разглядывала их: его широкие плечи, крепкую грудь в черных завитках волос, но так, чтобы он не заметил...

Узкие бедра обмотаны полотенцем, с мокрых волос стекали капли воды. Влажная смуглая кожа сверкала в лучах утреннего солнца... На него хотелось смотреть бесконечно, но желание быть рядом с ним и готовность отправиться хоть куда, только чтобы не расставаться, были сильнее, и потому она быстро собралась с мыслями и приготовилась действовать до победного конца.

— Ну что? Мне собираться? Я еду с тобой? — всё никак не унималась девушка.

— Эми... нечего тебе там делать. — Пошел к креслу, на спинке которого висели его вещи, и стал быстро одеваться.

— Так хочется хоть немного разнообразия, вырваться куда-нибудь... Целыми днями одна... скоро завою...

— Когда вернусь назад, посмотрим, чем тебя можно занять.

— Фалах... Ну пожалуйста... Я же не многого прошу.

— Ты совсем не понимаешь, о чем просишь. Это не путешествие с караваном на верблюдах, это отряд суровых мужчин на конях, и среди них ни одной женщины — ты будешь там одна. Несколько дней в дикой среде, где нет никаких условий для жизни. Я не смогу уделять тебе много внимания, думаю, ты и сама догадываешься об этом, — терпеливо объяснял ей. — И вот еще: тебе придется забыть про служанок.

— Ничего со мной не случится, не сахарная, не растаю. И вообще, я это всё уже проходила и не раз... Ты забыл? — Оба знали, что она имеет в виду ее побег в Эр-Рияд и насильственное возвращение назад в Хафрак.

— Я сказал — нет...

— Почему? Потому что я женщина или потому что мне там нечего делать? А может, ты боишься разговоров за спиной, что повсюду таскаешься со своей наложницей?

— Потому что это чисто мужское занятие... — спокойно ответил он, проигнорировав ее сарказм. — И вообще, женщины не ходят на охоту. Ну, не ходят они на охоту... Во всяком случае, на моей памяти не было ни одной желающей... Понимаешь? Да и не принято как-то...

— Не принято кем? Я думала, что это ты в Хафраке главный законодатель, значит, есть кто-то еще главней?

— Эми, не перегибай, и хватит об этом, — жестко сказал он, давая понять, что разговор окончен и говорить на эту тему он больше не намерен.

— Как пожелаете, мой господин, — бесцветным тоном произнесла она, вмиг став серьезной. Он мгновенно обернулся к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.